

A detailed portrait of Henry VIII, the second Tudor monarch of England. He is shown from the chest up, wearing a black cap with a white fur trim and gold ornaments. He has a full, dark beard and mustache. His clothing is ornate, featuring a grey robe with intricate black and white patterns and gold embroidery. The background is a deep blue.

Англия Тюдоров

Полная история
эпохи от Генриха VII
до Елизаветы I

Джон
Гай

Джон Гай

**Англия Тюдоров. Полная
история эпохи от Генриха
VII до Елизаветы I**

«Азбука-Аттикус»

1988

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

Гай Д.

Англия Тюдоров. Полная история эпохи от Генриха VII до
Елизаветы I / Д. Гай — «Азбука-Аттикус», 1988

ISBN 978-5-389-23057-6

В книге, впервые изданной в Великобритании в 1988 году и с тех пор разошедшейся тиражом более четверти миллиона экземпляров и ставшей настоящей классикой, представлена Англия эпохи Тюдоров. Изложение охватывает период от последнего этапа Войны Алой и Белой розы (1455–1485) и прихода к власти Генриха VII, основателя династии, до смерти Елизаветы I в 1603 году. Глубокий анализ описываемых событий в политическом, социальном и религиознокультурном аспектах позволил не только проследить за реформированием государственной власти и церкви при Генрихе VII, Генрихе VIII, Эдуарде VI, Марии I и Елизавете I, но и раскрыть характеры монархов и других политических деятелей той эпохи. Авторитетное и тщательно проработанное исследование экономики, устройства общества и политической культуры Тюдоровской эпохи дополнено цветными иллюстрациями. «Я стремился написать о периоде английской истории с 1460 года до кончины Елизаветы I доступно для всех, а также наиболее полно и на современном уровне обобщить огромное количество работ по истории эпохи Тюдоров... Я твердо убежден, что для того, чтобы должным образом осознать значение периодов Генриха VIII и Елизаветы, эпоху Тюдоров и институты того времени необходимо рассматривать в совокупности». (Джон Гай) В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-389-23057-6

© Гай Д., 1988

© Азбука-Аттикус, 1988

Содержание

Предисловие	8
1	10
2	30
3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джон Гай

Англия Тюдоров. Полная история эпохи от Генриха VII до Елизаветы I

Посвящается Рейчел, Ричарду и Эмме

John Guy
TUDOR ENGLAND

© John Guy, 1988

© Строганова О.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023
КоЛибри®

* * *

Ясное изложение, научная база, тщательное исследование – превосходная книга! В центре внимания автора вечные темы власти и религии. Авторитетная и убедительная работа.
The Sunday Times

Впечатляет широкий охват тем. Интереснейшая книга, основанная на результатах исследований, проведенных автором и другими ведущими специалистами по эпохе Тюдоров.
Glasgow Herald

Великолепная книга, написанная, без сомнения, самым вдохновляющим историком эпохи Тюдоров. Кроме того, это бесценный справочник по историографии интереснейшего периода.
Canadian Journal of History

Разностороннее исследование деятельности Томаса Кромвеля – образец исторического и историографического анализа.
Кристофер Хейг, историк, лектор в Оксфордском университете

Автор этой книги – настоящий мастер в том, что касается историографии. Он опирается на солидный массив материалов – как рукописных, так и печатных – и разбирает суть основных разногласий среди историков.
Times Literary Supplement

Мастерское сведение в одну картину различных интерпретаций, выполненное на основе научных исследований.
Г. К. Ф. Форстер, Университет Лидса

Выдающаяся книга во всех отношениях.
Дж. Ф. Паунд, Университет Восточной Англии

Джону Гаю нет равных в глубоком понимании политики Тюдоров. Он точнейшим образом расставляет акценты, в итоге получается убедительное повествование, особенно в том, что касается анализа важных демографических и экономических аспектов.

Дэвид Лоудс, Университетский колледж Северного Уэльса

Предисловие

В основе замысла этой книги лежат довольно простые и, наверное, наивные устремления. Я хотел написать о периоде английской истории с 1460 года до кончины Елизаветы I доступно для всех, а также наиболее полно и на современном уровне обобщить огромное количество работ по истории эпохи Тюдоров. Книга получилась заметно объемнее, чем планировалось, однако даже в большой книге невозможно описать все, поэтому я ограничился главным образом изложением политических и религиозных аспектов жизни той эпохи, проанализировав основные проблемы. Кроме того, я написал главы об экономике и устройстве общества, теории и развитии государства, а также политической культуре, считая данные вопросы необходимым контекстом для основного содержания. Мне пришлось выбирать главнейшие темы, чтобы книга не превратилась в невыносимо длинную. За долгие годы не было создано исследования, в котором бы последовательно описывался весь период вплоть до кончины королевы Елизаветы. Радикально изменились взгляды на такие важнейшие вопросы, как достижения Реформации, «революция в управлении», сильные и слабые стороны тюдоровской политики, включая местные власти. Я твердо убежден, что для того, чтобы должным образом осознать значение периодов Генриха VIII и Елизаветы, эпоху Тюдоров и институты того времени необходимо рассматривать в совокупности. Данная книга воплощает именно это мое убеждение. И наконец, поскольку логика исторического рассуждения препятствует мне согласиться с некоторыми аспектами авторитетной оценки фигуры Томаса Кромвеля и его реформ, выполненной Джеффри Элтоном, я хочу подчеркнуть свое уважение к бывшему учителю.

Работая над книгой, я испытывал бесконечную признательность специалистам по эпохе Тюдоров за их труды, глубоко благодарен всем за помощь и постарался отразить свои чувства в примечаниях и списке избранных работ.

Наверное, будет несправедливо назвать не всех, но в нескольких вступительных строках я не могу не подчеркнуть, какую огромную роль сыграли для меня труды Саймона Адамса, Эрика Айвза, Джорджа Бернарда, Маргарет Боукер, Сьюзен Бригден, Майкла Буша, Р. Б. Вернема, Майкла Грейвса, Питера Гуина, Мервина Джеймса, Нормана Джонса, Джеффа Дикенса, Клиффа Дэвиса, Патрика Коллинсона, Маргарет Кондон, Кристофера Коулмана, Дэвида Лоудза, Дженифер Лоуч, Тома Майера, Диармайда Маккалоха, Уоллеса Маккэффри, Ричарда Мариуса, Вирджинии Мерфи, Хелен Миллер, Грэма Николсона, Джима Олсопа, Рэкса Погсона, Джека Скарисбрика, Роджера Скофилда, Джо Славина, Хейзел Смит, Дэвида Старки, Боба Уайтинга, Пенри Уильямса, Грега Уолкера, Алистера Фокса, Рональда Хаттона, Криса Хейга, Дейла Хоука, Стива Эллиса и Джеффри Элтона. Я также искренне благодарен за вклад, который внесли в мою работу британские и североамериканские диссертации, цитируемые в примечаниях. Моя особая благодарность Дэвиду Старки за неопубликованные доклады, прочитанные в Бристольском университете, Институте Фолджера и на 101-й ежегодной конференции Американской исторической ассоциации. Они в первую очередь сподвигли меня иначе посмотреть на Благодатное паломничество, Тайный совет и роль аристократии при королевском дворе в 1530-е годы. За глубокие, полезные замечания по рукописи благодарю Алистера Фокса, Рейчел Гай и Джона Моррилла, а также анонимного рецензента издательства. Рейчел Гай и Хилари Уолфорд любезно помогли мне с окончательной подготовкой машинописного текста и корректурой. Генеалогическую таблицу составила Рейчел Гай, она же совместно с Ричардом Гаем взяла на себя тяжкий труд по фотокопированию. Рукописи из Государственного архива Великобритании, Британской библиотеки, Шекспировской библиотеки Фолджера (Вашингтон, Федеральный округ Колумбия), библиотеки Хантингтона (Сан-Марино, штат Калифорния) и Отдела специальных коллекций библиотеки Спенсера (Канзасский университет) цитируются по великодушному разрешению руководителей этих учреждений. И наконец,

1

Приход Тюдоров к власти

Какие бы свидетельства ни отразило время, успехи Тюдоров необходимо оценивать критически. Они породили панегирические и ловко использованные предсказания: «История жизни и достижений Генриха VII» Бернара Андре, «История Англии» Полидора Вергилия и «Союз двух благородных и прославленных домов Ланкастеров и Йорков» Эдварда Холла повествуют о том, что Графтон и Холиншед широко распространили, а Шекспир обессмертил. Пророчество Галфрида сбылось в 1485 году: победа при Босуорте была предсказана, когда ангел явился к Кадваладру с известием, что бритты вернут себе земли, захваченные саксами. Генрих VII Тюдор возвел свой род к Кадваладру, поэтому защитник короля на коронационном пиру восседал на коне, украшенном его геральдическими знаками. Генрих также провозгласил, что ему свыше предписано успокоить политические волнения, женившись на дочери Эдуарда IV Йорка. Как изложил Холл, «старая распря» этим брачным союзом была «похоронена и пресеклась навсегда». Или, как выразился Шекспир в «Ричарде III»:

А причастившись тайн, соединим
Мы с Белой розой Алюю навек.
И единенью улыбнется небо,
Что долго хмурилось на их вражду...

Междоусобий затянулась рана.
Спокойствие настало. Злоба, сгинь!
Да будет мир! Господь изрек: аминь!¹

Тем не менее представление, что Война Алой и Белой розы² шла в течение тридцати лет и была исключительно династическим конфликтом между домами Ланкастеров и Йорков, – миф. В реальности фракции при королевском дворе распространили свое влияние на провинции, где соперничающие дворяне продолжили междоусобицы с оружием в руках, враждуя до победного конца. Хронисты преувеличили династический элемент войны, а также продолжительность и масштаб сражений: в совокупности активные боевые действия длились около года. Однако ущерба и потерь они нередко приносили больше, чем утверждали участники. Состоялось 14 серьезных сражений и значительное количество мелких боев: 3000 человек полегло только в битве при Мортимер-Кросс (1461). Всего погибло 38 пэров. Тем не менее Война Алой и Белой розы уничтожила меньше аристократических семей, чем биологические причины, например бесплодие или младенческая смертность. Судя по частной переписке, война затронула далеко не всех. И все же гражданское население сталкивалось с проблемами: пострадала внешняя торговля, города опасались разграбления, нарастало социальное напряжение, а некоторые джентри пользовались возможностью решить личные противоречия при помощи силы. Кроме того, наблюдался и моральный урон. Вспоминается совет, который дал своим сыновьям Джон, 3-й лорд Маунтджой: «Живите благоразумно, никогда не принимайте на себя

¹ Пер. А. Радловой.

² В зарубежной литературе принято обозначение во множественном числе – Войны Алой и Белой розы или Войны роз. В этой книге используется традиционное для русской историографии название Война Алой и Белой розы. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

титул барона, если можно этого избежать, не стремитесь возвыситься среди принцев, потому что это опасно»³.

Война разразилась после расстройтва рассудка у Генриха VI в 1453 году. Первый этап (1455–1461) последовал вслед за лишением герцога Йоркского первого титула протектора после Рождества 1454 года. Это была вооруженная политическая борьба за власть при дворе и в графствах, которая стала династической только в октябре 1460 года, когда Йорк заявил перед парламентом свои претензии на трон в качестве «наследника» Ричарда II. Он погиб в битве при Уэйкфилде (30 декабря), и главой Белой розы стал его старший сын Эдуард Йорк. После победы при Таутоне (29 марта 1461 года) его короновали под именем Эдуарда IV. До 1464 года этот король блистал славой. Однако его свадьба с Елизаветой Вудвилл расколола партию Йорков и спровоцировала второй этап войны. Несмотря на то что Ричард Невилл, граф Уорик, был главным союзником Йорка в 1459–1461 годах, он присоединился к заговору (1469–1470) Джорджа, герцога Кларенса, слабого брата короля Эдуарда. Уорик и Кларенс обратились за помощью к Людовику XI Французскому, который желал вернуть внешнюю политику Эдуарда IV в прежнее русло. Король Франции помог вооружить и доставить в Англию ланкастерскую армию, чтобы вернуть престол Генриху VI, находившемуся в Тауэре с 1465 года. Поначалу Эдуарда обошли с фланга, и он бежал в Алкмар в Нидерландах, но в марте 1471 года вернулся с армией, чтобы отвоевать свое королевство. Сначала он одержал победу и убил Уорика в сражении при Барнете (14 апреля), а затем разгромил вторую ланкастерскую армию при Тьюксбери (4 мая). В бою погиб принц Эдуард⁴, наследник Генриха VI, а через несколько часов после возвращения Эдуарда в Лондон Генрих VI умер в Тауэре.

Эдуард IV восстановил королевскую власть во время своего второго правления, но когда он скончался, уже через 11 недель его двенадцатилетнего сына Эдуарда V низложил приходящий ему дядей Ричард, герцог Глостер (26 июня 1483 года). Хотя аристократия молчаливо признала узурпацию власти Ричардом, быстро сформировалась тайная сеть тех, кто боялся или ненавидел его, а несколько месяцев спустя Генри Стаффорд, герцог Бекингем, возглавил мятеж. Официальным бенефициаром этого подавленного Ричардом выступления был Генрих Тюдор, который тогда находился далеко в изгнании. Он претендовал на престол через свою мать Маргариту Бофорт, происходившую от Джона Гонта и Кэтрин Суинфорд. Намеревался ли сам Бекингем заявлять права на корону, остается неизвестным, но слухи о том, что Ричард убил в Тауэре сыновей Эдуарда IV, подготовили почву для вторжения Генриха Тюдора. Поддержанный основными отступниками и при материальной помощи Карла VIII Французского Генрих Тюдор высадился недалеко от Милфорд-Хейвена 7 августа 1485 года. Привлекая под свои знамена сочувствующих при продвижении в Англию через Шрусбери, Стаффорд и Личфилд, он вынудил Ричарда III наступать в направлении Лестера. К воскресенью 21 августа обе стороны встали лагерем в окрестностях холма Эмбион в двух милях от городка Босуорт-Маркет, однако последовавшее на следующий день сражение остается предметом бесконечных споров – существует столько же различных мнений, сколько на свете историков. Известно, что в середине битвы Ричард хотел решить исход сражения, убив Генриха в личной схватке. С отрядом верных стражников он прорвал окружение Генриха, убил его знаменосца и вступил в поединок с сэром Джоном Чейни. Под Ричардом пала лошадь. А затем вмешательство сэра Уильяма Стэнли, выступившего на стороне Генриха, оказалось решающим. «Оставшись один, – повествует Полидор Вергилий, – Ричард III погиб, мужественно сражаясь в самой гуще

³ *McFarlane K. B. England in the Fifteenth Century: Collected Essays. London, 1981. P. 231–261; Goodman A. The Wars of the Roses: Military Activity and English Society, 1452–1497. London, 1981; Gillingham J. The Wars of the Roses. London, 1981; Lander J. R. The Wars of the Roses. London, 1965; Griffiths R. A. The Reign of King Henry VI: The Exercise of Royal Authority, 1422–1461. London, 1981; Ross C. D. Edward IV. London, 1974; Ross C. D. Richard III. London, 1981.*

⁴ Согласно другим версиям, Эдуард был взят в плен и казнен после боя. Именно такой вариант излагает Шекспир в «Ричарде III».

врагов». Однако завершила третий этап войны только вторая победа Генриха над ставленником Йорков Ламбертом Симнелом в битве при Стоуке (16 июня 1487 года). Таким образом, Генрих обезопасил себя, используя одновременно внешнюю дипломатию и внутренние меры безопасности.

Важность этих фактов придает дополнительное значение битве при Босуорте. Тюдоровская пропаганда подразумевает, что это сражение ознаменовало новое начало английской истории, однако чем больше изучается вопрос специфических отличий Тюдоров, тем менее удовлетворительным представляется такой подход. Если оценивать Тюдоров по современным стандартам государственного управления, то мы будем либо отброшены назад в Средние века, к Великой хартии вольностей и Оксфордским провизиям, к политическим кризисам Эдуарда II, Ричарда II и Генриха VI, либо окажемся в ситуации гражданской войны и протектората, Конвенционного парламента и Закона о правах, или даже дальше, в эпохе Уолпола. Босуорт стал поворотным пунктом в династической истории, однако правление Тюдоров следует рассматривать относительно других. Мы не можем забывать ни того, чем они были обязаны правлению Йорков, ни влияния Ренессанса на английскую религию и политическую мысль.

В конце 1470 года или начале 1471-го (после восстановления королевской власти Генриха VI, но до битвы при Барнете) сэр Джон Фортеस्कью, автор трактата «Управление Англией» (*The Governance of England*), направил меморандум графу Уорику. Написанный в форме отдельных статей «для добропорядочной публики нашего королевства», этот документ призывал к восстановлению монархии на основе идей, высказанных в парламенте критиками Генриха VI в 1450-е годы⁵. Фортеस्कью не отличался особой проницательностью в качестве политического аналитика, однако в его работе обобщаются основные спорные вопросы, и он имел доступ к конфиденциальной информации, поскольку в 1442 году Генрих VI назначил его Верховным судьей Суда королевской скамьи. В 1461 году Джон Фортеस्कью покинул Англию, чтобы стать номинальным канцлером ланкастерского правительства в изгнании. После его примирения с Эдуардом IV в 1471 году он был включен в Тайный совет короля и написал, или, скорее, оформил для него «Управление» в качестве книги рекомендаций. В этом трактате повторяются идеи, изложенные в меморандуме Уорику⁶.

Поскольку Фортеस्कью знал, что корона должна остановить ухудшение своего финансового положения, он предложил меры экономии и расширение доходной базы. Он четко показал, что политическая стабильность и способность короля поддерживать свое имущественное состояние тесно связаны: правящий король должен иметь возможность выплачивать жалованье чиновникам и нести стандартные затраты без необходимости брать кредиты под большие проценты. В «Управлении Англией» меньше говорится о доходах, чем о расходах, однако важнейшие доходные статьи короля составляли поступления от коронных земель, доходы от судопроизводства и таможенных пошлин, а также те, что возникали вследствие статуса короля как феодала. Хотя в чрезвычайных обстоятельствах прямые налоги увеличивали доходы короля, к середине XIV века введение налогов требовало согласия парламента. Корона могла вместо налогов собирать займы, но этот способ порождал политические недовольства; при слабости монархии его старались избегать. Фортеस्कью разделил расходы короля на две категории – «обычные» и «чрезвычайные». «Обычные» включали в себя расходы на королевский двор и гардероб, жалованье советников и чиновников, содержание судебных учреждений, королевских лошадей, замков, гарнизонов в Кале, Ирландии и на шотландской границе. Парламент считал, что король самостоятельно должен оплачивать эти расходы, а в чрезвычайных обстоятельствах «дополнительные» издержки на оборону и дипломатическую деятельность заслуживают помощи по согласованию. Таким образом, хотя Фортеस्कью придерживался мнения, что

⁵ *The Governance of England* / Ed. C. Plummer. Oxford, 1885; 2nd edn., 1926. P. 348–353.

⁶ *Ibid.* P. 109–157.

средние (то есть происходящие ежегодно) «дополнительные» расходы должна нести корона, он согласился, что затраты выше средних следует оплачивать доходами от налогообложения. «Если наступает случай, выходящий за рамки обычного, – писал он, – то будет разумно, а также необходимо, чтобы все королевство участвовало в чрезвычайных расходах». Упадок монархии в XV веке носил преимущественно финансовый характер: текущий счет короны в 1433 году имел дефицит 16 000 фунтов стерлингов в год. Ежегодный доход составлял только £34 000, а накопленные расходы и долги дошли до £225 000⁷. Однако к 1450 году расходы и долги выросли до £372 000, тогда как ежегодный доход фактически понизился. В эти цифры не входит ежегодный доход от герцогства Ланкастер, составлявший £2500 в 1433 году. Шанс, что король сможет «жить на свои», то есть полностью оплачивать все расходы обычного управления из собственных постоянных доходов, был невелик. Тем не менее призыв к королю, что ему следует «жить на свои», был лозунгом парламента при Генрихе IV и Генрихе VI и дожил до первых Стюартов. Это требование поддерживало фракционность: когда «реформаторы» отстаивали необходимость отнять закрепленные законом имущественные права трона, они обычно имели в виду присвоить их. Классический пример тому – Ричард, герцог Йорк.

Однако две меры парламент предложил. Первая – вернуть пожалования, сделанные из королевских доходов в прошлом; вторая – ограничить власть короля отчуждать их в будущем. Приоритеты, принятые в управлении собственностью короны в XIII и XIV веках, на первое место ставили потребности королевской семьи, на второе вознаграждение королевских служащих и только на третье – взнос в государственные финансы. И на последнее обычно ничего не оставалось. Так, в правление Генриха IV одна из фракций парламента призвала вернуть в руки короля все земли, которыми он и его предки когда-либо владели с 1366 года. Впредь запрещалось даровать королевские земли и доходы с них вместо жалований, вознаграждений и пенсий, а королевские владения поступали в распоряжение канцлера, чтобы обеспечивать обычные государственные расходы. На деле Генрих IV уклонился от подобных «реформ», и его сын Генрих V правил с маниакальной впечатляющей энергией: подобно Генриху VII, он лично контролировал собственные расходы. На самом деле, поскольку в период с 1404 по 1437 год королевские земли редко уходили за пределы круга королевской семьи, критика в парламенте «злоупотреблений» королевскими землями сошла на нет.

Однако крушение правления Генриха VI после 1449 года стало сигналом к возобновлению критических нападок по поводу управления коронными землями. После 1437 года Генрих VI в беспрецедентных масштабах отчуждал государственные земли и вверял важный бизнес группам придворных. Его щедрость и необъективность вызвали новую вспышку соперничества между группами. Особый след на правлении Генриха VI оставило поражение в Столетней войне – были потеряны все английские владения во Франции, кроме Кале. Акты о возвращении 1450–1456 годов – парламентский способ возместить потери, однако результаты таких действий неопределенны. Неясно, сколько денег удалось сохранить; по сути дела, лишение короля права на покровительство могло принести больше вреда, чем пользы, поскольку щедрые дары были законным средством, при помощи которого короли демонстрировали свою власть в центре и оказывали влияние в графствах. Когда парламент отказал требованиям о введении налогов, кризис стал неизбежен.

Итак, Эдуард IV сделал ставку на прекращение упадка монархии. Он объявил, что будет «жить на свои» и «облагать налогами моих подданных только в серьезных и чрезвычайных обстоятельствах, которые больше касаются их собственного благосостояния и защиты, а также обороны королевства, а не моего удовольствия». Фортестью между тем настаивал на полном аннулировании существующих королевских пожалований через инспирированные короной

⁷ Wolfe B. P. The Royal Demesne in English History: The Crown Estate in the Governance of the Realm from the Conquest to 1509. London, 1971. P. 112–123; EHDw. 1327–1485 / Ed. A. R. Myers. London, 1969. P. 516–522; Griffiths. Henry VI. P. 107–122.

акты о возвращении; на обсуждении в Тайном совете будущих пожалований с целью контроля их необходимости; на гарантиях, с помощью которых посты и награды будут предоставляться исключительно служащим, присягнувшим королю, – никто не должен занимать две должности, за исключением надежных придворных, которые могут быть хранителями охотничьих угодий и занимать должность при дворе. Последнее предложение совершенно нецелесообразно: ограничение покровительства короны своим служащим сократило бы королевское влияние в графствах. Однако Фортеस्कью выделил главное: сокращение королевской собственности зашло слишком далеко, возникла необходимость в «новом фундаменте королевства». Эдуард IV и Генрих VII разделяли его позицию. Независимо от того, читали они «Управление Англией» или нет, семь актов о возвращении, принятые с 1461 по 1495 год, восстановили часть доходных статей короны⁸.

Кроме того, во время гражданских войн 397 объявлений вне закона (лишений гражданских и имущественных прав) обеспечили переход в казну крупных имений. Лишение прав состояния было публично-правовым и парламентским осуждением за государственную измену или мятеж, что также представляло собой удобное орудие политической проскрипции. Вердиктам по общему праву и обычаю войны придали силу закона, чтобы распространить права короны на конфискованную собственность. Жертву осуждали за государственную измену властью парламента, когда человек погибал или бежал с поля боя в сражении против короля, но и по другим причинам. Сей метод обеспечивал конфискацию в казну его земель и имущества, а также «лишение прав состояния», что оставляло без наследства семью осужденного, включая майоратные земли, которые в другом случае не подлежали бы конфискации. После 1459 года объявление вне закона использовалось, чтобы отомстить и завладеть собственностью побежденных противников: после победы при Таутоне Эдуард IV объявил вне закона 113 человек, что принесло ему земель с доходом на £18 000–30 000 в год. Среди конфискованных в течение этого раунда проскрипций были имения двух герцогов, пяти графов, одного виконта, шести баронов и нескольких дюжин джентри. Тем не менее требовалось действовать осторожно, чтобы исключить чрезмерное применение объявлений вне закона, и впоследствии многие акты были пересмотрены – хотя редко полностью – в пользу наследников, показавших свою лояльность королевской власти. Примирение было так же важно, как и принуждение в эпоху, когда не существовало полицейских сил и постоянной армии, а управление осуществлялось при сотрудничестве магнатов с короной. Родовая знать выдвигала из своих рядов лидеров политического сообщества; их власть на местах и личный авторитет имели решающее значение для руководства страной. Объявление вне закона, таким образом, стало и способом извлечения финансовой выгоды, и средством политического контроля⁹.

Обычно утверждается, что Эдуард IV и Генрих VII после 1461 года предпринимали обдуманные атаки на власть аристократии, однако эту точку зрения опровергает тот факт, что 84 % объявлений вне закона было отменено. Созданная Генрихом VI проблема состояла не столько в чрезмерной силе подданных, сколько в недостаточной силе короля. Возможно, что Эдуард IV пытался разделить аристократию и джентри на уровне органов самоуправления графствами, подрывая установившиеся политические сообщества в пользу королевской власти. Король Иоанн в 1215 году вбил клин между баронами и джентри – трюк был не нов. Однако политика Эдуарда по отмене объявлений вне закона отличалась последовательностью: цифры для рыцарей и сквайров показывают, что в этих социальных группах было отменено 79 и 76 %

⁸ Morgan D. A. L. The House of Policy: The Political Role of the Late Plantagenet Household, 1422–1485 // *The English Court: From the Wars of the Roses to the Civil War* / Ed. D. R. Starkey. London, 1987. P. 55–56; Wolffe B. P. The Crown Lands, 1461–1536. London, 1970. P. 33–41, 52–54, 67–70, 84–85; Royal Demesne. P. 79–84, 113–116, 124–158, 196–201.

⁹ Lander J. R. Crown and Nobility, 1450–1509. London, 1976. P. 127–158, 307–308; Hicks M. Attainder, Resumption and Coercion, 1461–1529 // *Parliamentary History*, 3. 1984. P. 15–31; Stacy W. R. Richard Roose and the Use of Parliamentary Attainder in the Reign of Henry VIII // *Historical Journal*, 29. 1986. P. 1–15.

приговоров, и это соответствует цифрам для титулованной аристократии. Лишь на социальном уровне, не входящем в правящую элиту, цифры отмен были ниже: для йоменов, служителей церкви и торговых людей они составляли 47, 36 и 29 % соответственно. Безвестность, таким образом, не была защитой: чем ниже социальное положение человека, тем сложнее ему давалось возвращение прав и собственности. Время, которое требовалось наследникам, чтобы добиться отмены судебного решения, различалось: Эдуард IV отменил 42 из своих 140 объявлений вне закона, а 43 наследникам пришлось дожидаться вступления на престол Генриха VII. Ричард III отменил один, оставив в силе 54 приговора Эдуарда. Из 100 объявлений вне закона Ричарда III 99 отменили после сражения при Босуорте. Генрих VII смягчился в отношении 46 из 138 человек, осужденных парламентом в течение его правления. В конце концов еще шесть наследников восстановили в правах при Генрихе VIII, ни с чем остались 86 человек¹⁰.

Эффективность этих мер для финансового положения короны оценить сложно. Объявление вне закона укрепило политическую власть короля, но едва ли сделало нечто большее. Если бы проскрипции оставались неизменными, огромные наследства перешли бы в королевскую казну: объявления вне закона внесли бы наибольший вклад в увеличение дохода до того, как Генрих VIII ликвидировал монастыри. Однако, хотя выручка от продаж и суммы, изъятые у наследников до возвращения их земель, были значительными, часть конфискованного имущества всегда приходилось делить с победителями после каждого этапа гражданских войн. Таким образом, объявление вне закона давало облегчение скудным финансовым ресурсам короны в краткосрочной перспективе, но долгосрочное изменение положения было им не под силу. Корона сохранила не более семи наследств знати и 17 наследств рыцарей. Остальные 119 оставшихся в казне имений принадлежали эсквайрам, священникам, йоменам и торговцам – земли сравнительно небольшой ценности. При этом надо признать, что йоркисты и Генрих VII управляли своими активами более эффективно, чем их предшественники. За исключением краткого перерыва после Босуорта они пользовались самыми современными методами управления крупными баронскими хозяйствами, передавая коронные земли из контроля казначейства, сдававшего их в аренду по фиксированным ставкам, сюрвейерам, кризисным управляющим и аудиторам, которые специализировались на максимизации прибыли¹¹. Ключевой фигурой был управляющий, отвечавший за сбор ренты, заключение новых арендных договоров, удаление плохих арендаторов и санкционирование ремонтов. Управляющий лично отчитывался в кабинете короля, который при Эдуарде IV и Генрихе VII превратился в финансовый департамент королевского двора. Королевские сундуки стали основным хранилищем, туда начали передавать и другие государственные доходы, такие как иностранные субсидии, займы и пожертвования, а также некоторые налоги. Собирать деньги в королевской казне было примерно то же самое, что хранить их под кроватью короля. Эту систему нельзя назвать прогрессивной, однако она работала: казначейство получило подчиненный статус и полностью восстановило свое влияние в финансовой системе королевства только в 1554 году, хотя там продолжали получать и ревизовать таможенные сборы и счета судебных исполнителей.

Эдуард IV начал эксперимент по увеличению «доходов от землевладения» в 1461 году, Ричард III продолжил и развил политику своего брата, а после 1487 года систему принял и усовершенствовал Генрих VII. Таким образом, именно в своем кабинете эти короли назначали чиновников, заключали сделки о продаже конфискованных имений и об опеке над наследниками до их совершеннолетия, решали вопросы с ленными сборами и в целом контролировали свои финансы. Нередко дела велись без соблюдения формальностей: Эдуард IV несколько раз принимал отчеты в устной форме, а Генрих VII сам проверял и подписывал отчеты, а затем

¹⁰ Lander. *Crown and Nobility*. P. 127–158, 307–308; Ross. *Edward IV*. P. 66–70; *Chrimes S. B. Henry VII*. London, 1972; repr. 1977. P. 207, 328–329.

¹¹ Wolffe. *Crown Lands*. P. 51–75; *Royal Demesne*. P. 158–212; Ross. *Edward IV*. P. 373–377.

отпускал бухгалтеров без дальнейшей проверки. Однако ни один король не мог следить за всем лично, поэтому надежные советники и друзья играли важную роль в процессе контроля над доходами от землевладений. Что было выгоднее, гибкость при принятии отчетов или непосредственное удобство, неясно, но главная цель не вызвала сомнений – извлекать из коронных земель все, до последнего пенни.

Английские королевские финансы изобилуют сложностями, однако некоторые показатели уровня и масштаба восстановления после 1461 года можно привести¹². Чистый доход Генриха VI в 1432–1433 годах составил £10 500 от землевладений и £26 000 от таможенных пошлин. Точное сравнение с доходом Эдуарда IV исключено, поскольку отчетов йоркистского казначейства не сохранилось, но в последние восемь лет его пребывания на престоле чистый доход от землевладений находился на уровне £20 000 в год, а от таможенных пошлин – £35 000 в год. Денежные поступления Ричарда III от земли поднялись до £22 000–25 000 в год плюс еще около £4600 из источников, связанных с землей. Другими словами, за время правления йоркистов доходы от землевладений удвоились. Цифры не показывают, какую часть дополнительного дохода принесла возросшая эффективность управления, а какую – выморочное и конфискованное имущество; невозможно подсчитать общие ресурсы короны, которые включали прямое налогообложение, добровольные пожертвования и зарубежные субсидии; однако, по оценкам специалистов, общий доход Эдуарда IV в его последний год на троне составляет £90 000–93 000. Он, таким образом, стал первым королем Англии со времен Генриха II, скончавшимся платежеспособным. Возможно, в начале правления Генриха VII чистая выручка от землевладений резко снизилась, но к 1492–1495 годам она восстановилась до £11 000 в год. А когда полностью проявилось влияние финансовой системы Генриха VII, поступления впечатляюще увеличились: в 1502–1505 годах ежегодный королевский доход из всех источников в среднем составлял £104 800. Эта цифра фигурирует в отчете Джона Херона о денежных поступлениях в казну и заслуживает доверия. Землевладения приносили чистый денежный доход £40 000 в год, таможенные пошлины – примерно столько же, хотя не все наличными, светские и церковные налоги ежегодно давали в среднем £13 600. В конце правления общий доход составлял £113 000 в год: ежегодные доходы от землевладений поднялись до £42 000 в 1504–1509 годах. Таким образом, оценив важность методов йоркистов, Генрих VII заметно их усовершенствовал.

Тем не менее достичь стабильности только за счет финансового возрождения было невозможно. Эдуард IV и Генрих VII стали успешными правителями в значительной степени потому, что пользовались услугами усердных и знающих советников, причем замечательной чертой их общего подхода была преемственность. Из 40 советников Эдуарда IV, которые были живы после 1485 года, 22 человека стали советниками Генриха VII, прежде всего Джон Мортон, Томас Ротерхэм и Джон Динхэм. Новой династии служили и 20 советников Ричарда III, среди которых опять-таки были Ротерхэм и Динхэм. В Тайный совет Генриха VII входили 15 близких родственников различных советников Йорков, включая представителей семейств Бурчиер и Вудвилл. Другие члены Совета, например сэр Ричард Крофт и Ричард Эмпсон, тоже служили Йоркам. Такие люди внедрялись в основу Совета, которую Генрих привез с собой из ссылки в Бретани и Франции. Эдуард IV с 1461 по 1483 год имел 124 советника, однако, если исключить дипломатов, их число составит 105 человек. До мятежей 1469–1470 годов работало 60 советников: 20 представителей знати, 25 священнослужителей, 11 государственных чиновников и четверо прочих лиц. Во время его второго правления служило 88 советников: 21 аристократ, 35 священников, 23 чиновника и девять прочих. У Генриха VII с 1485 по 1509 год было 225 советников: 43 аристократа, 61 духовное лицо, 45 придворных, 49 государственных

¹² *Wolffe. Royal Demesne. P. 212–225; Crown Lands. P. 66–86; Ross. Edward IV. P. 371–387; Chrimes. Henry VII. P. 194–218.*

служащих и 27 юристов. Распределение мест между различными группами сходно с составом Совета Эдуарда IV, но впечатляет именно сохранность кадров¹³.

Функция Тайного совета была тройственной: консультировать короля по политическим вопросам, управлять королевством и разрешать разногласия¹⁴. Члены совета, однако, имели широкий круг ответственности: совещательность и согласие были жизненно необходимы для спокойного развития политического процесса, и советникам требовалось составлять мнение в эпоху, когда повсюду распространялись слухи и предсказания. Особенно тщательную проверку позиция проходила в парламенте, но при йоркистах и ранних Тюдорах регулярных парламентских сессий парламента не было до парламента Реформации, который состоялся в 1529 году. Советники, таким образом, трудились на общее благо короля и королевства: они контролировали политическую температуру и брали на себя ответственность за управленческие решения; они создавали системы связей при дворе и в провинциях, превращаясь в глаза и уши государя, а также в его руки. На «Портрете с радугой» Елизаветы I, который хранится в Хэтфилд-Хаусе, золотистый плащ королевы расшит ушами и глазами, но не устами. Рисунки символизируют роль королевских советников, прежде всего Уильяма Сесила, лорда Берли. Как писал сэр Джон Дэвис (1569–1626), «многое она видит и слышит через них, но Решение и Выбор принадлежат ей самой».

При Эдуарде IV и Генрихе VII Тайный совет стал реальным органом власти. Соответственно, членам Совета нужно было работать эффективно, и Фортеस्कью предостерегал Уолси, Томаса Кромвеля и Сесила, рекомендуя реформы. Он знал по опыту, что в больших аристократических советах возникают группировки и общую работу затрудняют личные законные интересы. Чтобы позволить Тайному совету действовать в качестве исполнительного органа, Фортеस्कью убеждал исключить вельмож, претендующих на место советника только по праву высокого рождения (*consilarii nati*), и предлагал назначать постоянными советниками, на основании способностей, 12 служителей церкви и 12 мирян. Выступая за такую реорганизацию, он предполагал, что высшие сановники государства автоматически войдут в Совет. Другими словами, по его замыслу советники должны были быть «умнейшими и самыми усердными людьми, которых только можно отыскать во всех частях нашей страны», хотя в знак уважения четырех епископов и четырех аристократов следовало по очереди вводить в Совет на год, доведя таким образом общий состав до 32 членов¹⁵. И наконец, Фортеस्कью подчеркивал, что его главный принцип – создать Совет, подготовленный содействовать «общему благу» королевства. Эта тема снова и снова возникала в сочинениях Томаса Мора, Томаса Элиота и Томаса Старки.

Однако ключевым моментом в проекте Фортеस्कью было желание сократить в правительстве представительство двора – «камердинеров [короля] и других придворных». Поскольку Ричард II был несовершеннолетним, в парламенте несколько раз предпринимались попытки включить в Совет конкретные личности в помощь высшим государственным сановникам. Однако такие действия отражали требования политической ситуации и были обусловлены стремлением скорее заполнить Совет клиентами лидеров парламентских фракций, чем реформированием Совета. Таким образом, проект Фортеस्कью не был парламентским: его идея отображала решение Эдуарда IV сделать свой Совет главным инструментом управления королевством. Возвышение королевского Совета в качестве органа исполнительной власти при Эдуарде IV, Генрихе VII и Генрихе VIII было постепенным. К началу правления Елизаветы реформированный Тайный совет функционировал как коллективная коллегия ведущих должностных лиц. Он обеспечивал выполнение своих решений посредством приказов, которые

¹³ Lander. *Crown and Nobility*. P. 171–219, 309–320; *Select Cases in the Council of Henry VII* / Ed. C. G. Bayne, W. H. Dunham. Selden Society, London, 1958. P. xix—xli; *Crimes*. Henry VII. P. 97–114; *Guy J. A. The Cardinal's Court: The Impact of Thomas Wolsey in Star Chamber*. Hassocks, 1977. P. 9–10.

¹⁴ Elton G. R. *The Tudor Constitution*. Cambridge, 1960; 2nd edn., 1982. P. 102.

¹⁵ *Governance* / Ed. Plummer. P. 145–149, 349–350.

подписывали семь-восемь советников, и действовал в качестве непререкаемого авторитета в повседневном ведении финансовых дел, религиозном принуждении, военной организации, социально-экономической политике и местном самоуправлении. Однако конституционная традиция замедляла это развитие. Старая баронская теория, что с «представителями» тех, кто обычно созывается в парламент, следует консультироваться во времена политических кризисов, оставалась незыблемой. Эту теорию можно было применять для нападок на министров и советников, она сформировала заметную часть петиции участников «Благодатного паломничества» в 1536 году. Берли считался с ней даже во время кризиса 1584 года, когда опасались покушения на Елизавету. Соответственно, Тайный совет работал в сотрудничестве с парламентом; за исключением 1491, 1525, 1544–1546 и 1594–1599 годов, в тюдоровский период не было предпринято ни единой попытки взимать налоги без согласования с парламентом. Фортескую писал, что английский король не облагает налогами своих подданных и не изменяет законов «без согласия и одобрения всего королевства, выраженного в парламенте»; к 1461 году это было незыблемым правилом. И оно выражало силу, а не слабость. Как пояснил Генрих VIII в 1542 году: «Мы никогда не стояли так высоко в нашем королевстве, как во времена парламента, где мы будто голова, а вы – руки, соединенные вместе в одно политическое тело». Однако границы власти парламента были установлены политически: Мор поставил под сомнение, может ли все королевство в парламенте узаконить верховенство Генриха VIII над церковью, проиграл спор и потерял голову¹⁶.

Поскольку реформирование монархии началось в 1461 году и было лишь продолжено Тюдорами, которые поначалу использовали схожие с прежней династией методы управления и даже многих прежних советников, тщетно утверждать, что Босуорт ознаменовал начало нового этапа. Разумеется, это не означает, что административная преемственность была всеобъемлющей: внешняя и церковная политика Генриха VII имела новые аспекты, а фискальная интенсивность его правления не вызывает сомнений. Политика с 1455 по 1500 год была изменчивой, жесткой и упреждающей; династические изменения в 1461, 1470–1471 и 1485 годах говорят сами за себя. Тем не менее эта ситуация не уникальна. Несмотря на то что Карл VII изгнал англичан из Парижа, французские аристократы устраивали заговоры против своего короля в 1437, 1440 и 1446 годах: во многих частях Франции царил настоящий хаос. Поэтому Карл (1422–1461) реорганизовал свою армию – данный момент английская монархия упустила – и укрепил государственное финансирование: были возрождены *tailles* (подушные налоги) и *aides* (налоги с продаж), и их взимали без санкции парламента. Людовик XI (1461–1483) продолжил эту работу, вызвав гражданскую войну в 1465 году. Войну за общественное благо спровоцировали мятежники, которые – как Уорик и Кларенс в 1469 году – выдвинули «общественное благо» в качестве своей политической платформы. Клод де Сейссель (цитируя римскую историю) писал: «Люди, неспособные взять на себя управление великими делами... благодаря заслугам, милосердию и полномочиям сената нашли возможность добиться расположения народа, толкая всех на желанную для них дорогу под предлогом общего блага». Эти слова вполне могли бы принадлежать Фортескому!¹⁷

Цели Карла VII, Людовика XI, Эдуарда IV и Генриха VII можно выразить одним предложением: они желали контролировать свои королевства и создать управленческий аппарат, позволяющий направить доступные средства в королевскую казну. Однако, давая рекомендации, Фортескую противоречил сам себе, когда писал об Англии как «смешанной» монархии (*regnum politicum et regale*), в отличие от Франции Людовика XI. Он забыл, что, если финансовое укрепление короны окажется успешным, *regal* (королевский) элемент возьмет верх над

¹⁶ Guy. *The King's Council and Political Participation // Reassessing the Henrician Age: Humanism, Politics, and Reform, 1500–1550* // Ed. A. G. Fox, J. A. Guy. Oxford, 1986. P. 121–147; Sir John Fortescue: *De Laudibus Legum Anglie* / Ed. S. B. Chrimes. Cambridge, 1949. P. 86; *Lehmberg S. E. The Later Parliaments of Henry VIII, 1536–1547*. Cambridge, 1977. P. 170.

¹⁷ *The Monarchy of France* / Ed. D. R. Kelley, J. H. Hexter, et al. New Haven: Conn., 1981. P. 41.

«политическим». При Генрихе VII и Генрихе VIII такая ситуация и начала складываться, но продажи коронных земель в 1540-е годы восстановили баланс: к 1547 году было отчуждено две трети бывшего церковного имущества, а последующие дары Эдуарда VI и Марии довели эту цифру до трех четвертей. После кончины Генриха VIII король не мог «жить на свои», несмотря на крупный захват имущества. Таким образом, все вернулось на круги своя.

Поскольку при Эдуарде IV централизация и эффективная бюрократия получили преимущество, Фортеस्कью вряд ли не осознавал собственной непоследовательности. Дворцовые методы оставались ключевыми, хотя бы потому, что личность монарха составляла самый мощный ресурс власти. XV век был временем торжества королевского двора. «Государственные» институты, такие как казначейство и Суд лорд-канцлера, долгое время существовали при короне, но постепенно становились все менее гибкими. Внимание смещалось к «доверенной» администрации, состоящей из представителей королевского двора. Соответственно, Эдуард IV и Генрих VII руководили экспериментом по увеличению «доходов от землевладений» из своего кабинета, Генрих VIII превратил королевскую казну в собственное хранилище доходов от распущенных монастырей, а Франциск I стремился создать центральный наличный резерв на основе королевской казны и учредил новое должностное лицо, *tresorier de l'Epargne* (казначей), чтобы заменить устаревшую финансовую систему. Однако в середине XVI века тенденция поменялась на прямо противоположную. В частности, казначейство было модернизировано, а Тайный совет взял на себя ответственность за регулярное ведение финансовых дел, действуя в качестве коллективного органа исполнительной власти. И резервы денежной наличности, и учетные процедуры вернули в ведение казначейства. Таким образом, если Эдуард IV и Генрих VII практически ежедневно сами вникали в детали увеличения государственных доходов и осуществления денежных расходов, то Елизавета не уделяла особого внимания непосредственному надзору за движением средств и отчетностью: эти операции контролировал Берли и Тайный совет, а королева решала в принципе, как следует управлять ее доходами¹⁸.

Проблема, которую не рассматривал Фортеस्कью, это налогообложение в мирное время. Должны ли подданные короля оплачивать повышенные расходы управления через налоги, когда «обычного» дохода короны оказывается недостаточно? Попытки собирать налоги на невоенные нужды впервые предпринимались в 1380-е и 1390-е годы и вызвали противодействие. Генрих IV, чьи издержки и растущие долги дважды вынуждали его отстаивать свои потребности в парламенте, возобновил усилия. Однако принцип, что следует санкционировать налогообложение для субсидирования обычного управления, утвержден не был. Тем не менее эти радикальные идеи постоянно обсуждались: налогообложение мирного времени было гарантировано в период с 1534 до 1555 года. После этого взимание налогов по-прежнему связывали с содержанием королевского имущества, но Елизавета проявляла консерватизм, подчеркивая факт или угрозу войны. Принципа налогообложения исключительно как нормы, приносящей прибыль, избегали¹⁹. Тем не менее Елизавета настаивала на том, что налоги должны быть доступны для «важнейших» нужд, и, когда лорд – хранитель Большой государственной печати Бэкон доказывал в парламенте, что все «чрезвычайные» расходы всегда покрывались налогами, он отказывался от утверждения Фортеस्कью, что только «чрезвычайные» издержки выше привычного среднего уровня подлежат оплате за счет налогов.

¹⁸ Starkey D. R. *After the Revolution // Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration* / Ed. C. Coleman and Starkey. Oxford, 1986. P. 199–208; Knecht R. J. Francis I. Cambridge, 1982. P. 128–131; The English Court / Ed. D. R. Starkey. P. 71–118. См. также: P. 312–313.

¹⁹ Elton G. R. *Studies in Tudor and Stuart Politics and Government*. 3 vols. Cambridge, 1974–1983. iii. 216–233; Alsop J. D. The Theory and Practice of Tudor Taxation // *English Historical Review*, 97. 1982. P. 1–30; его же Innovation in Tudor Taxation // *English Historical Review*, 99. 1984. P. 83–93; Harriss G. L. Thomas Cromwell's "New Principle" of Taxation // *English Historical Review*, 93. 1978. P. 721–738; его же Theory and Practice in Royal Taxation: Some Observations // *English Historical Review*, 97. 1982. P. 811–819.

Ренессанс – процесс, который нередко понимается неправильно. Предположения о «возрождении» изобразительного искусства, архитектуры и литературы; «новые» попытки филологов придавать черты христианства языческим авторам; связь гражданского республиканизма итальянских городов, таких как Флоренция и Венеция, с политической свободой, достоинством и совершенством человека – чрезмерные упрощения. Идея, что христианские и классические элементы западной цивилизации можно включить в более гармоничное и верное истолкование мира и человека, распространилась в Средние века, но после Данте и Петрарки ее формулировали решительнее и осознаннее. Однако дух Ренессанса пришел в Англию позже, чем в Италию; он слабее проявился в изобразительном искусстве, чем в гуманистической литературе и языкознании; и в основном был получен из вторых рук, через Бургундию и Францию, а не прямо из Италии. Лишь ввиду покровительства искусству, оказываемого Уолси и Генрихом VIII, установилось некоторое равновесие. Гуманизм, понимаемый в строгом смысле изучения произведений гуманистов, в XV веке достиг Англии, где его рафинировали ученые Лондона, Оксфорда и Кембриджа. Они выделяли платонизм и греческую литературу как средства наилучшего познания мира, а также и для литературных целей. Эта группа составляла немногочисленное меньшинство, чьи взгляды представлялись спорными; в 1510-е и 1520-е годы их вызвали на «войну грамматиков» бескомпромиссные университетские латинисты (Уолси и Томас Мор не единожды вступали в бой на стороне «греков»). Тем не менее они имели влияние. В число тех, кто мигрировал ко двору молодого Генриха VIII, принадлежали Джон Колет, Томас Линакр, Уильям Лилли, Ричард Пейс, Катберт Тансталл и сам Мор. Три гуманиста следующего поколения, Томас Элиот, Томас Старки и Ричард Морисон, находились на периферии этой группы: Элиот был платонистом, а Старки и Морисона вдохновлял итальянский гражданский республиканизм.

Гуманисты, разумеется, были не первыми, кто придавал особое значение изучению классического наследия. Чосер цитировал Овидия и римских поэтов наряду с итальянцем Боккаччо, а Джон Гауэр демонстрировал знание *Secreta secretorum*, которое приписывали Аристотелю, однако предшественники гуманизма в основном цитировали классиков как просто *exempla* или использовали как базу для аллегорических толкований. Перемена наступила в XV веке, хотя первые гуманисты были скорее меценатами, чем практиками. Епископы и аристократы заботились о карьере ученых, собирали интересные книги и рукописи, а потом передавали их в дар колледжам или монастырским библиотекам. Самым важным меценатом был Хэмфри, герцог Глостер (1391–1447): пользуясь советами Пьетро дель Монте, итальянского гуманиста, приехавшего в Англию в качестве папского сборщика налогов, он приобрел библиотеку, в которую входили переводы Платона, Аристотеля и Плутарха, труды Ливия, Цезаря, Цицерона и Светония, а также современные гуманистические трактаты Петрарки, Салутати, Поджо, Бруни и других. В литературе герцог покровительствовал Титу Ливию Фруловези, Антонио Беккариа, Леонардо Бруни (переводчику «Политики» Аристотеля), Пьеру Кандидо Дечембрио (переводчику «Республики» Платона) и Джону Лидгейту (который был знаком с произведениями Данте, Петрарки и Боккаччо, а также греческих и римских авторов). Хэмфри сподвиг Оксфордский университет включить «Новую риторику» Цицерона, «Метаморфозы» Овидия и работы Вергилия в альтернативный набор литературы для изучения риторики. За период с 1439 по 1444 год Хэмфри подарил университету 280 томов для общего пользования. Эти книги служили поощрению нового знания и возрождению знания прежних времен²⁰.

Другим оксфордским благотворителем был Уильям Грей, впоследствии епископ Или (ум. 1478), который в Ферраре слушал лекции Гуарино да Верона и, изучая античных классиков, страстно увлекся философией. Он поехал в Рим, познакомился там с ведущими гума-

²⁰ *McConica J. K. English Humanists and Reformation Politics. Oxford, 1965; repr. 1968. P. 13–149; Weiss R. Humanism in England during the Fifteenth Century. Oxford, 1941; 2nd edn., 1957. P. 39–70.*

нистами и, несмотря на то что сам отдавал предпочтение теологии, собирал рукописи античных и современных гуманистов, нанимая собственных переписчиков, когда возникала такая необходимость. Уильям Грей передал 200 рукописей Баллиол-колледжу и помогал в финансировании строительства библиотеки для него. Он также дарил книги Питерхаусу (колледжу Святого Петра) в Кембридже и поддерживал Никколо Перотти и двух англичан, Джона Фри и Джона Ганторпа, которым оплатил занятия в Ферраре. Фри (его также субсидировал Джон Типтофт, граф Вустер) преподавал медицину, но не менее прославился своим знанием философии и гражданского права. Он великолепно владел древнегреческим языком и переводил, читал лекции и писал трактаты по риторике в стиле, характерном для итальянского гуманизма. Его перевод *Calvitii epinomium* («Похвала лысине») Синезия Киренского, сатиры на софистов в форме панегирика плешивости, впоследствии был опубликован в одном издании с «Похвалой глупости» Эразма Роттердамского²¹.

Научный обмен был обоюдным, и несколько итальянских ученых преподавали в Оксфорде и Кембридже. Стефано Суригоне читал лекции по грамматике и риторике в 1454–1471 годах, Корнелио Вителли в 1475 году преподавал греческий в Новом колледже, в число лекторов в Кембриджском университете входили Лоренцо да Савона в 1478 году и Кайо Ауберино в 1483–1484 годах. Фри (он скончался в 1465 году) стал первым англичанином, который достиг итальянского уровня знания Античности. Однако важнее отдельных личностей были организованные учебные центры, поскольку главной заботой гуманистов было образование. К 1499 году в Англии работало около 114 субсидируемых учебных заведений, 85 из которых появились после 1450 года. Первым центром гуманитарных наук, имеющим в своей структуре среднюю классическую школу, стал Магдален-колледж в Оксфорде, основанный Уильямом Уайнфлетом, епископом Винчестером (1447–1486), – он показал Уолси пример, покрывая расходы учебного заведения за счет монастырей. Магдален-колледж стремительно развивал систему образования, основу школьного учебного плана составили гуманитарные науки: учителя и бывшие студенты быстро монополизировали создание книг для обязательного чтения в школе. Джон Анвикилл, первый учитель гимназии, в 1483 году напечатал для своих учеников в английском переводе отрывки из пьес Теренция и в том же году выпустил *Compendium totius grammaticae*, краткое изложение трактатов Перотти и Валлы. Учебники по грамматике написали и другие преподаватели Магдален-колледжа: Джон Стэнбридж, Уильям Лилли и Роберт Уиттингтон. Надо сказать, что в 1543 году Генрих VIII объявил учебник Лилли по грамматике, изначально написанный для учеников школы Св. Павла, официальным учебным пособием для использования в школах всего королевства.

Несмотря на то что Вьенский собор (1311–1312) повелел создать условия для обучения в Оксфорде греческому языку, университет практически ничего не сделал, чтобы выполнить эту рекомендацию. Соответственно, Магдален-колледж и позже Корпус-Кристи-колледж, основанный Ричардом Фоксом, восполнили отставание. Среди тех, кто преподавал и получал основы знаний в Оксфорде, были столь разные люди, как Колет, Джон Стокли, Уильям Тиндейл, Томас Мор и Реджинальд Поул. Пусть и пребывающее в меньшинстве, обучение греческому шло достаточно активно, чтобы в 1499 году привлечь в Оксфорд Эразма Роттердамского. Примеру Магдален-колледжа следовали и в Лондоне в школе Св. Павла, которую Колет возродил в 1508–1510 годах. В программу обучения должны были входить латинские и греческие тексты «и хорошие авторы, те, что соединяют истинно римское ораторское искусство с мудростью, особенно христианские авторы, излагающие свои знания на чистом и строгом латинском языке». Исключались «латинские примеси» схоластики, «брань, которую впоследствии внес дикий мир, все то, что скорее можно назвать позорищем, чем литературой»²².

²¹ Weiss. P. 84–140, 160–178.

²² A Fifteenth Century School Book / Ed. W. Nelson. Oxford, 1956. P. vii-xxix; Lupton J. H. A Life of John Colet. London,

Колет путешествовал во Францию и Италию в середине 1490-х годов. Линакр опередил его на десять лет, а Уильям Гроцин, начавший свое образование в Винчестере и Нью-колледже, учился во Флоренции с 1488 по 1491 год. Они единственные из своей группы обрели знание древнегреческого из итальянского первоисточника. Колет, увлеченный платонизмом Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, применил свои познания в изучении Библии. Его метод, как у Фичино, воспроизводил позицию Плотина и последующих платоников, хотя он не меньше уважал Аристотеля и его средневековых толкователей. В 1497–1498 годах Колет читал лекции в Оксфорде по посланиям апостола Павла. Его изложение стало новым словом в библеистике: он подчеркнул исторические обстоятельства, в которых создавались апостольские послания, рассматривал святого Павла как личность и описал в общих чертах веру в близкого и искупительного Христа. Такие идеи представлялись неожиданными в то время, когда преподаватель теологии Леди-Маргарет-колледжа читал лекции по *Quodlibets* Дунса Скота²³. Была четко сформулирована идея спасения души, и Томас Мор, принявший духовное направление Колета, многим ему обязан, как и Эразм Роттердамский, которого большинство английских гуманистов считали своим европейским наставником. Эразм, неоднократно бывавший в Англии в 1499–1517 годах, воскликнул: «Когда говорит Колет, мне кажется, что я слушаю Платона!»²⁴ Вместе они соединили евангельское благочестие Нидерландов с христианским платонизмом. Однако взаимосвязь англичан с Эразмом идеализирована, ей присущи неотъемлемые противоречия. Эразм стремился к «душевному покою» и «умеренной реформе» через применение и культивирование критического понимания и силы гуманитарных наук. Он сторонился политики, некоторые считали его мечтателем. А Колет, Мор, Тансталл и Пейс, напротив, стали советниками Генриха VIII: они решили заниматься политикой, что Эразм не одобрил, предвещая несчастья тем, кто понадеется на королей.

Английский гуманизм имел еще одну важную грань – гуманистическое изучение права. Это началось в Италии с доказательства Валлы, что Константинов дар – подделка: документ, дарующий верховную духовную и светскую власть над Западной Европой папе Сильвестру I, изготовили в VIII или IX веке н. э. Выступление Валлы было скорее филологическим и историческим, чем конкретно юридическим, но историзм и законность фактически составляли единое целое, и попытки очистить авгиевы конюшни закона во французских и итальянских университетах проходили параллельно с событиями в юридических школах Англии²⁵. Английское законодательство, по существу, представляло собой общее право, закрепленное парламентскими актами; оно было и писаным, и неписаным. Писанные элементы следовало искать в судебных протоколах, опубликованных в статутах и в документах парламента; неписаный свод законов хранился в коллективной памяти юристов, в мозгах судей, практикующих адвокатов и должностных лиц, его интерпретировали и выносили решение по выступлениям сторон и утверждениям в ходе конкретного судебного процесса.

Вопреки распространенному предубеждению против законников изучение права вовсе не претило английским гуманистам, и Мор, и Элиот имели юридическую подготовку. По сути дела, обучение в юридических корпорациях в XV веке уже не было новым делом, «чтения» или лекции, проводившиеся во время Великого поста и летних каникул, вполне укоренились. Однако к 1460 году распространилась практика организовывать продуманные учебные судебные слушания, чтобы учить слушателей правильным формам выступлений сторон, а «чтения»

1887; 2nd edn., 1909. P. 271–284.

²³ Lupton J. H. A Life of John Colet. London, 1887; 2nd edn., 1909. P. 45–87.

²⁴ Froude J. A. Life and Letters of Erasmus. London, 1895. P. 43–44.

²⁵ Ives E. W. The Common Lawyers of Pre-Reformation England. Cambridge, 1983. P. 36–59; Ives E. W. The Common Lawyers // Profession, Vocation, and Culture in Later Medieval England. Liverpool, 1982. P. 181–217; The Reports of Sir John Spelman / Ed. J. H. Baker. 2 vols. London: Selden Society. 1977–1978. ii. 28–46, 123–142. Kelley D. R. Foundations of Modern Historical Scholarship. New York, 1970. P. 19–148.

превратились в полноценные курсы лекций, читавшиеся в течение трех-четырех недель, по два часа в день, четыре дня в неделю. Да и сам термин «чтения» перестал отвечать содержанию курса, поскольку зачитывание подготовленного текста заменили семинары по определенной теме, на котором судьи и выборные старейшины юридических школ в аудитории вступали в обсуждение с «докладчиком», а учащиеся слушали или делали записи²⁶. И Фортеस्कью в работе «Похвала английским законам» (*De laudibus legum anglie*), и Элиот в книге «Правитель» (*The Book Named the Governor*) рассмотрели новую систему в действии. Элиот сопоставил методы судебных прений с приемами античного ораторского искусства и заключил, что изучение английского права – прекрасный способ завершить образование благородных юношей²⁷. Его совету последовали во второй половине XVI века, когда юридические корпорации взяли на себя роль третьего университета.

Последствия интеллектуального оживления в юридических школах можно видеть в последующие годы XV века. Впервые со времен правления Генриха II юристы начали масштабно осуществлять перемены внутри своей профессии: в Суде лорд-канцлера и Суде королевской скамьи были разработаны процессуальные нормы, отвечающие современным потребностям в делах по спорам о правах на землю, наследство, долгах, нарушениях договора, договорной обязанности выполнить деяния или услуги, мошенничеству, причинению вреда, клевете и нарушению прав купли-продажи²⁸. Эти нововведения были внутренними реформами, которые произвели судьи, юристы и судебные чиновники. Они отразили убеждение гуманистов, что требуется менять юридическую систему, дабы она отвечала текущим социальным условиям, а не заставлять стороны судебного процесса подгонять свои заявления под устаревший закон. Кроме того, юристы приобрели осознанное представление о своей «общей эрудиции» и стали вырабатывать принципы, по которым судебная процедура была методично изложена, а писанные и неписанные законы объединены. Внимание, однако, не ограничилось светским правом: юристы – специалисты по общему праву рассматривали также каноническое и папское право. Хотя суть английского законодательства мало что унаследовала от римского права, большинство практикующих юристов знали обе системы, и в условиях гуманизма некоторые указали на противоречия между общим и каноническим правом. Они высказали доводы в пользу согласования этих двух близких частей законодательства, поскольку в определенных областях, где они пересекаются, например в делах о денежных долгах, реституции, незаконнорожденности и возрасте правового совершеннолетия, законы церкви и государства противоречили друг другу. Красноречивое меньшинство в юридических школах считало, что по одинаковым судебным делам должны приниматься одинаковые решения и в королевских, и в церковных судах, а общее право имеет приоритет над каноническим правом. Эти идеи имели огромное значение, поскольку могли привести, при поддержке короля, к политической идеологии. По сути, требование, что каноническое право должно уступить общему праву, легло в основу позиции Генриха VIII во время Реформации.

Влияние гуманизма на английское мировоззрение и вероисповедание в этот период необходимо рассматривать в сравнении. Гуманизм привлекал лишь немногих избранных, и его историческое значение, строго говоря, состоит в просветительской роли – он бросил вызов схоластике и папству. В период йоркистов и ранних Тюдоров для большинства англичан были характерны традиционные формы религиозного почитания: литургическое богослужение, мистицизм, паломничество, поклонение образам, молитвы Деве Марии и местным свя-

²⁶ Ives E. W. *The Common Lawyers of Pre-Reformation England*. Cambridge, 1983. P. 37–53.

²⁷ *De Laudibus Legum Anglie* / Ed. Chrimes. P. 116–120; *The Book Named the Governor* / Ed. S. E. Lehmberg. London, 1962. P. 51–56.

²⁸ *Reports* / Ed. Baker, ii. 193–298; *Blatcher M. The Court of King's Bench, 1450–1550*. London, 1978. P. 90–137; *Guy J. A. The Public Career of Sir Thomas More*. Brighton, 1980. P. 37–79.

тым, вера в чудеса и пророческие откровения²⁹. Самыми популярными религиозными писателями оставались мистики XIV века: Ричард Ролл, Уолтер Хилтон, Марджери Кемп, Юлиана из Нориджа и неизвестный автор книги «Облако неведения» (*The Cloud of Unknowing*). До наших дней фактически дошло больше списков произведений Ролла, чем любого другого писателя, творившего до Реформации. Эти мистики выражали протест против научной теологии и философии английских университетов: их вдохновлял Фома Кемпийский, а не Фома Аквинский. Однако акцент на жизнь, погруженную в размышления, и стремление к совершенству делает их светскими копиями монастырских наставников. Они глубоко и традиционно почитали Иисуса Христа и Страсти Христовы, в отличие от еретиков лоллардов. Обычно они погружались в темы смерти, кары, рая и ада; доктрину страдания и необходимости следовать примеру Христа; добродетели молчания и уединения, смирения, терпения, кротости и любви и концепцию жизни как борьбы между добродетелью и природой или искушениями плоти и Божьей волей. В эпоху, когда монашеская жизнь представлялась идеальным выражением христианства, мужчины и женщины в миру всеми силами старались следовать этой модели или как отдельные люди, или как члены церковной общины.

Мирская набожность до Реформации выражалась также и во вполне материальной форме. В течение XV века было построено или отремонтировано почти две трети английских приходских церквей. К сохранившимся до наших дней впечатляющим примерам, как много денег тратилось на строительство церквей в тот период, принадлежат церковь Сент-Мэри Редклифф в Бристоле, Сент-Питер Мэнкрофт в Норидже и «шерстяные» церкви в Восточной Англии. Делались многочисленные дары мужским и женским монастырям; жертвовали на обустройство приходских церквей; покупались богатые облачения, чаши и драгоценности; украшались статуи и усыпальницы. Набожные светские люди обеспечивали часовни, больницы, религиозные гильдии и начальные школы. Молебны и заупокойные мессы тоже оплачивались, а небогатые наследники покупали «огни», или свечи, чтобы зажечь их в память усопших близких. Религиозные гильдии, или братства, играли конструктивную роль в жизни всей общины, увеличивая сплоченность: они представляли собой сообщества светских и церковных людей, объединенных полом, а также социальным статусом. Женщины составляли, наверное, половину членов этих объединений, присоединяться могли и замужние, и незамужние³⁰. Гильдии главным образом брали на себя обязательства (во имя Святой Троицы, Девы Марии или какого-либо святого) обеспечить своим членам торжественные похороны и заупокойные мессы, но они также ремонтировали мосты и большие дороги, построили системы водоснабжения и акведуки в таких городах, как Бристоль, Норидж и Ашбертон, организовывали своим членам деловые связи и протобанковские услуги, оплачивали акушеров, следили за состоянием городских часов и играли заметную роль в гражданских церемониях и ритуалах общинного года. К примеру, для торжественного въезда Генриха VII в Бристоль в 1487 году был доставлен слон, на спине которого соорудили сцену Воскресения Христа.

Однако до Реформации в церкви главенствующую роль играло духовенство, мирянам не позволялось активно участвовать в ведении церковных дел и в богослужениях. То, что простые люди могли расслышать из мессы сквозь алтарную преграду, рассеивалось лишь на горстку тех, кто знал латинский язык. Верующие приходили поклониться Святым Дарам, но не предполагалось, что они будут причащаться более трех раз в год. На причастии они принимали только хлеб; мужчины и женщины причащались отдельно, за исключением свадебных служб. В приходах проповеди читались не так редко, как порой считают, но большинство речей, о которых нам что-либо известно, были банальными, неинтересными и скучными. Построенные на иносказа-

²⁹ Rhodes J. Private Devotion in England on the Eve of the Reformation. Unpublished Durham Ph. D. dissertation. 1974, fos. 73–196.

³⁰ Scarisbrick J. J. The Reformation and the English People. Oxford, 1984. P. 3–39.

ниях или отдельных историях, наполненные буйной фантазией и языческими легендами, они мало учили паству основам христианства, хотя некоторые проповедники удовлетворительно раскрывали смысл Пасхи и искупительной системы церкви³¹. Лучшие проповеди, несомненно, звучали в Лондоне, где две трети духовенства имело хорошее образование. Однако в провинциях приходские священники, судя по всему, уступали в образованности некоторым из своих прихожан. Примерно одна пятая духовенства Кентерберийской епархии в 1454–1486 годах была выпускниками университетов, но лишь одна десятая приходских священников в графстве Суррей в то время имела университетские дипломы. Из 1429 человек, получивших должность приходского священника в епархии Линкольна с 1495 по 1520 год, 261 окончили университеты, а из 1454 кандидатов на церковные должности в Нориджской епархии в 1503–1528 годах дипломы представили 256 человек. Фактически количество людей с высшим образованием постоянно увеличивалось, хотя сомнительно, что ситуация улучшилась, пока количество образованных священников не составило значительно более серьезную часть приходского пастырства. Именно они, всего вероятнее, отсутствовали, поскольку требовались в светской и епархиальной администрации, к тому же совсем единицы имели богословское образование, что было наилучшей подготовкой для пастырской деятельности. Из священников с университетскими дипломами в Линкольнской епархии 35 % имели ученую степень по гуманитарным наукам, еще 35 % – по каноническому или гражданскому праву и лишь 11 % – по богословию³².

Оценить профессиональный уровень духовенства без университетского образования сложная задача, поскольку подавляющую часть нашей информации мы получаем из отчетов, составленных во время епископских или архидиаконских инспекций. Разумеется, эти отчеты составлялись только тогда, когда священники не отвечали требованиям прихода и когда их квалификация больше заботила паству, чем их духовных пастырей. Однако комментарии в литературных источниках в значительной степени нереалистичны. Персонаж поэмы Уильяма Ленгленда «Видение о Петре Пахаре» (*Vision of Piers Plowman*) «Священник-Лень» предпочитает наедаться, спать или возлежать в постели со своей женщиной, пока не кончится месса, не знает «Отче наш» и каноническое право, не способен понять ни единого стиха псалмов и истолковать его своим прихожанам, а главное его занятие выслеживать зайцев, однако это художественный вымысел³³. Священники и адвокаты были популярными объектами литературной сатиры; источником Ленгленда, несомненно, стал труд *Oculus sacerdotis* Уильяма Пейджа, составителя проповедей XIV века:

И много в наши дни священников, которые и сами не знают Закона Божьего, и не учат ему других. Предаваясь лени, они проводят время в пирушках и гулянках, они жаждут мирских вещей и преуспевают в этом, всегда на улицах, но редко в церкви, не торопятся разбираться в грехах своих прихожан, но всегда готовы разглядывать следы зайцев и других диких зверей... Они скорее накормят собаку, чем бедняка; скорее найдешь их за столом, чем на мессе; они хотят видеть вокруг себя слуг и служанок, а не служителей церкви³⁴.

Каноническое право требовало от священников читать проповеди минимум четыре раза в год, посещать больных, ежедневно служить мессе и принимать исповеди своих прихожан по меньшей мере раз в год. Они должны были вести честную жизнь, соответствующим образом одеваться, избегать постоянных дворов и публичных домов, а также гарантировать, что их

³¹ Heath P. *The English Parish Clergy on the Eve of the Reformation*. London, 1969. P. 93–103.

³² Heath P. *The English Parish Clergy on the Eve of the Reformation*. London, 1969. P. 81–92; Bowker M. *The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln*. Cambridge, 1968. P. 44–45.

³³ *Piers the Ploughman* / Ed. J. F. Goodridge. London, 1959. 2nd edn., 1966; repr. 1968. P. 72–74.

³⁴ Owst G. R. *Literature and Pulpit in Medieval England*. Cambridge, 1933. P. 278–279.

отношения с женщинами безупречны. В действительности существовали священники, которые пропускали службы, не читали проповеди и имели опасные склонности: приходский священник Аддингтона в графстве Норманптоншир, привлеченный к судебной ответственности Линкольнским епископским судом в 1526 году, имел двоих детей от своей кухарки и разгуливал по деревне в кольчуге. Однако огромное большинство духовенства должным образом исполняло повседневные обязанности, хотя сомнительно, читали ли они проповеди и посещали ли больных. Особенно бросалось в глаза их поведение, потому что приходскому священнику было легко начать вести себя подобно другим сельским жителям: завести отношения со своей экономкой и проводить дни, возделывая огород. Если до правления Генриха VIII в церковные суды поступало мало обвинений в правонарушениях такого рода, то к 1520 году в Линкольнской епархии 12,5 % приходских священников были объектом разговоров о том, что они «имеют женщину». Одну пятую из них не подозревали в распущенности, но другую одну пятую явно подозревали и осуждали, при этом было много других случаев безнравственного поведения³⁵. Кроме того, более бедное духовенство старалось пополнить свой доход за счет занятий сельским хозяйством и таким образом привлекало внимание к основной экономической проблеме церкви, поскольку многие церковные приходы (в основном на севере страны) обеспечивались недостаточно; в самом деле, чтобы священнику хватало средств существования, ему требовалось обслуживать несколько церковных приходов. Другие приходы, совсем наоборот, давали стабильный доход, даже становились ходовым товаром, который светские покровители рассматривали как свободное имущество. Однако если епископы сопротивлялись настойчивым покровителям, отвергая при возможности неподходящих кандидатов на выгодную должность, то многие неудовлетворительно посвященные в сан или не соответствующие роли пастыря все равно отвечали основным законным требованиям или приходили, вооруженные папскими особыми разрешениями³⁶. Таким образом, до Реформации церковь не знала крупных скандалов, но такие злоупотребления, как проживание вне пределов юрисдикции, обслуживание нескольких церковных приходов, внебрачное сожитие и халатное отношение приходского священника к ремонту алтаря, продолжали обращать на себя внимание. Напряжение могли вызывать также споры о церковной десятине, плата за оформление завещания и взносы наследников приходскому священнику на помин души усопшего, плата за проведение мессы по особым случаям и чрезмерно жесткое обращение к подозреваемым в ереси. На самом деле, хотя природа и степень антиклерикализма изменились, когда первый развод Генриха VIII встал на повестку парламента, он действительно существовал до наступления эпохи Тюдоров, пусть и в значительно меньшей степени, чем в Германии.

Что можно сказать с полной уверенностью, так это то, что в XV веке еретиков было значительно меньше, чем правоверных англичан, хотя точное количество лоллардов неизвестно. Создатель этого движения Джон Уиклиф (приблизительно 1329–1384) – философ-схоласт, богослов, профессор Оксфордского университета, который поступил на службу к Джону Гонту и с его помощью избежал процесса в церковном суде, когда университетская комиссия сочла его виновным в преподавании ложных учений. Его первыми последователями были интеллектуалы, а требования Уиклифа, чтобы духовенство ограничило себя пастырскими обязанностями, его поддержка перевода Библии на английский язык и многократные атаки на церковную собственность обеспечили внимание определенных политиков, которые поначалу защищали лоллардских проповедников, а затем предоставили безопасные места для переписывания рукописей лоллардов. Однако восстание сэра Джона Олдкасла (1414) радикально изменило ситуацию, поскольку укрепило уже признанную в Европе связь между ересью, бунтом и

³⁵ Bowker. *Secular Clergy*. P. 110–154; Heath. *English Parish Clergy*. P. 104–134.

³⁶ Heath. *English Parish Clergy*. P. 187–196.

изменой, и позволило епископам приступить к систематическим преследованиям, разрешенным каноническим правом, но прежде не имевшим поддержки светского общества³⁷.

До Уиклифа в Англии было мало ереси, к 1401 году на костре погибли считанные единицы еретиков. Одного альбигойца сожгли в Лондоне еще в 1210 году, а в 1222-м дьякона, перешедшего в иудаизм из любви к еврейке, лишили должности на местном совете Оксфорда и передали в руки шерифа, который отправил его на костер. Другими словами, немногие описанные случаи основывались на статутах о ереси Ричарда II, Генриха IV и Генриха V. Закон против лоллардов 1382 года осуждал еретические проповеди и приказывал шерифам и остальным людям оказывать помощь епископам, арестовывая и заключая под стражу подозреваемых, чтобы рассматривать их дела в церковных судах: ситуацию определило Крестьянское восстание предыдущего года. Принятый в 1401 году статут «О сжигании еретиков» (*De heretico comburendo*) разрешил казнить через сожжение лоллардов, отказавшихся отречься от своих убеждений или снова впавших в ересь после официального отречения и покаяния; это был первый в Англии светский законодательный акт, установивший обязанность светской власти сжигать еретиков, признанных виновными в церковных судах. И наконец, акт 1414 года обязал широкий круг светских чиновников и судей, шерифов, мировых судей и муниципальных служащих содействовать епископам в деле выявления и подавления ереси. Он также предоставлял для конфискации в пользу государства земли и имущество осужденных еретиков и уполномочивал судей Суда королевской скамьи назначать выездные сессии суда присяжных и мировых судей для раскрытия ересей посредством светских процедур предъявления обвинения и обвинительного акта, при этом обвиняемых следовало передавать епископам или их представителям для рассмотрения дела в церковных судах в течение 10 дней³⁸.

То, что закон о ереси применялся в XV веке до Реформации, ясно из судебных протоколов 1423–1522 годов. Есть свидетельства о 544 судебных процессах того периода, которые завершились 375 отречениями, 19 каноническими очищениями и 29 (возможно, 34) сожжениями. (Исход остальных процессов неизвестен³⁹.) Разумеется, это нижний предел данных – протоколы церковных судов до Реформации, как правило, неполноценны. Тем не менее понятно, что в количественном отношении ереси не составляли серьезной угрозы до разрыва с Римом, хотя были ли они угрозой по существу, судить сложно, так как в конце XV века наблюдался рост популярности лоллардов в отдельных регионах. К ним относились прежде всего графства Эссекс и Кент, Чилтернские холмы, долина Темзы, Мидлендс (центральные районы Англии), части Восточной Англии, города Бристоль, Ковентри, Колчестер и уорды (районы) Лондона Коулман-стрит, Криплгейт, Кордвейнер и Чип. Позже лолларды, чье происхождение можно проследить, были в основном ремесленниками – ткачи, портные, перчаточники и скорняки – или посредниками в торговле тканями. Однако в Ковентри их сторонниками оставались некоторые видные горожане и бывший мэром. В Лондоне тоже были лолларды в коммерческих и властных кругах. На самом деле в начале XVI века лондонские лолларды, похоже, считали себя пионерами южного раскола. Правомерность такого мироощущения подтвердил тот факт, что их система взаимосвязи в 1520-е годы оказала большую помощь в распространении лютеранской литературы, как ранее в работе с собственными переводами Библии и циклами проповедей⁴⁰.

Насколько серьезно лоллардов можно считать предтечей протестантской Реформации, вопрос спорный. Они всячески критиковали власть папы римского и католическое духовен-

³⁷ Thomson J. A. F. *The Later Lollards, 1414–1520*. Oxford, 1965. P. 4–15; Aston M. *Lollardy and Sedition, 1381–1431* // *Past and Present*, no. 17. 1960. P. 1–44; McFarlane K. B. *Lancastrian Kings and Lollard Knights*. Oxford, 1972.

³⁸ Guy J. A. *The Legal Context of the Controversy: The Law of Heresy* // CW x. *The Debellation of Salem and Bizance* / Ed. Guy, R. Keen, C. H. Miller. New Haven, Conn., 1987. P. xlvii–lxvii.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Thomson. *Later Lollards*; C. Cross, *Church and People, 1450–1660*. Fontana edn., 1976. P. 31–52.

ство; отвергали пресуществление при евхаристии, почитание икон, обязательную исповедь, индульгенции, паломничество и использование музыки во время совершения мессы. Единственным авторитетом для веры они признавали Священное Писание, читали проповеди и распространяли среди своих последователей Библию и религиозные трактаты в переводах на английский язык. Однако когда с ними столкнулись первые протестанты, две группы не всегда сходились во взглядах⁴¹. Тем не менее, пусть в среде лоллардов существовали различные направления, а учение Уиклифа выходило за рамки понимания простого человека, оксфордский реформатор опередил свое время в совершенно ином отношении: его неоднократные настояния, что «реформация церкви» в первую очередь политическое дело, подтвердил Генрих VIII. Как и германские императоры во время борьбы с папством за право назначения епископов, Уиклиф проводил различие между главами христианской церкви первых веков и их преемниками: в начальную эпоху христианства верховная власть принадлежала светским христианским монархам, а папы и священство довольствовались проповедованием истинной веры и проведением таинств. Таким образом, Уиклиф выступал за воссоздание Апостольской церкви, в которой светские правители вернут тиранов-священников к святости и лишат их власти⁴². Подобно Генриху VIII, он представлял себе государство в виде верховной власти короля и требовал роспуска религиозных орденов на том основании, что верховная власть не может мириться с существованием независимых конфессиональных корпораций. Все люди должны быть равны как подданные короны; при новом порядке организации общества, построенном в результате Реформации, граждане будут подчиняться светскому монарху как главе церкви и королю.

Уиклиф потерпел неудачу, потому что его патрон Джон Гонт не стал подвергать опасности стабильность королевства согласием проводить политику радикальных преобразований и поскольку слабость короны, а также фракционная природа политики во время малолетства Ричарда II препятствовали единству действий. (Генрих VIII, напротив, решительно поддержал радикалов.) Однако идея, что Реформация – это революция самого правителя, административный акт, введенный сверху разумным государством, была такой же пророческой, как и соединение настоящего государства с верховной властью. В этом отношении идеи Уиклифа выросли из обстоятельств Великой схизмы, когда католическая церковь уступила национализму. Однако, хотя Англия была более централизованным, менее плюралистичным обществом, чем Франция, здесь национальная идентичность формировалась поздно и явилась скорее результатом, чем причиной протестантской Реформации. Существование острого чувства «английскости», или «национальности», в XV веке совершенно очевидно, но понимания Англии как национального государства не было. На Констанцском соборе (1414–1418) представители Генриха V подчеркивали общий язык, территорию и кровное единство англичан, отстаивая отдельное право голоса. Однако если эти признаки и были отличительными характеристиками нации, то значение «границ» стало ощущаться острее, когда свое влияние оказала потеря Генрихом VI континентальных владений. Идентичность Англии быстро ассоциировалась с береговой линией. Поэма 1436 года «Клевета на английскую политику» (*The Libel of English Policy*), призывающая защищать на море английскую торговлю, гласила⁴³:

У наших берегов храните море крепко,
Оно для нас ограда на века,
Если бы Англия была городом,

⁴¹ *Davis J. F. Heresy and Reformation in the South-East of England, 1520–1559. London, 1983. P. 5.*

⁴² *Wilks M. Reformatio Regni: Wyclif and Hus as Leaders of Religious Protest Movements // Schism, Heresy and Religious Protest / Ed. D. Baker. Cambridge, 1972. P. 109–130.*

⁴³ *Political Poems and Songs Relating to English History / Ed. T. Wright. 2 vols. London, 1859–1861. ii. 202.*

Море вокруг служило бы городской стеной⁴⁴.

Неизвестный автор трактата «Английские товары» (*The Commodities of England*, 1451) повторяет, что Англию узнают по ее естественным границам и характерным языкам – он назвал английский, валлийский и корнуоллский. Однако географическую, лингвистическую или кровную «национальность» никак нельзя было приравнять к национальному суверенитету, пока английская церковь сохраняла законодательные учреждения и судебную систему, заявлявшие, в пределах своей компетенции, о независимости от государства⁴⁵.

Действительно, Англия XV века имела утвердившуюся политическую теорию: королевством управлял монарх, который был верховным законодателем, но не мог сам ни устанавливать законы, ни взимать налоги со своих подданных без согласования с парламентом⁴⁶. Однако англо-папский Авраншский компромисс (1172) закрепил за церковью право на саморегулирование и юрисдикционную самостоятельность конвокаций в Кентербери и Йорке, а также церковных судов, записанные в водной статье Великой хартии вольностей. Король Иоанн обеспечил «нам и нашим наследникам навечно, что Английская церковь будет независимой, ее права сохранятся полностью, и привилегии не пострадают». Короли много раз подтверждали это соглашение. Политики вступили в игру, когда церковная судебная практика затронула гражданские права королевской власти и светских лиц: парламент блокировал папские постановления и спорные декреты в годы правления Эдуарда III, Ричарда II, Генриха IV и Генриха V. Тем не менее громкие дела не превращались в действующее право, а общественное мнение по большей части было за сохранение статус-кво и против радикального изменения. Как сетовал Уиклиф, возражения против перемен не кончались: говорили, что изменение вызовет беспорядки; что даже в этом случае успех не гарантирован; что не пришло время; что не сложились условия. Он наталкивался на «обычные ответы чиновников любому реформатору, который хочет изменить положение вещей, причем без промедления»⁴⁷. Джон Гонт считал, что подвергнуть риску стабильность королевства хуже, чем лишиться девственности королевскую дочь. Таким образом, установленная юридическая структура, в которой параллельные правомочия церкви и государства сосуществовали и подчинялись соответственно папе и королю, подтверждает, что понимание Англии как унитарного государства было анахронизмом до 1530-х годов. Однако вопрос, равнялся ли сам по себе разрыв Генриха VIII с Римом созданию единого государства, потребует изучения.

⁴⁴ Keep then the sea about in special, / Which of England is the round wall, / As though England were likened to a city, / And the wall environ were the sea.

⁴⁵ The Works of Sir John Fortescue, Knight, Chief Justice of England and Lord Chancellor to King Henry the Sixth / Ed. T. Fortescue [Lord Clermont]. 2 vols.; London, 1869. i. 549–554.

⁴⁶ *Chrimes S. B. English Constitutional Ideas in the Fifteenth Century*. Cambridge, 1936. P. 300–324; *Elton. Studies*, ii. 28–29.

⁴⁷ *Wilks. 'Reformatio Regni'*. P. 123.

2

Ситуация в стране

Англия и Уэльс были преимущественно аграрными государствами, которые после 1520 года постоянно испытывали давление избыточной численности населения. Возросший спрос на продукцию, стимулировавший развитие капиталистического сельского хозяйства и более прибыльной индустриальной экономики, открывал очевидные возможности, однако резкий рост населения неизбежно вел к инфляции, спекуляции землей и продовольствием, безработице, нищете, бродяжничеству и грязи в городах. Мощь государства была ничтожна перед лицом демографических, экономических и социальных перемен, но мы можем сравнительно оптимистично рассматривать этот период по одной важнейшей причине – несмотря на несколько региональных кризисов, тюдоровской Англии удалось себя прокормить. Крупной национальной продовольственной катастрофы страна избежала.

Да, после неурожаев 1519–1521, 1527–1529, 1544–1545, 1549–1551, 1554–1556, 1586–1587 и 1594–1597 годов смертность повысилась. Самые страшные неурожаи были в 1555–1556 и 1596–1597 годах. Поскольку воздействие неурожая в каждый конкретный год ощущалось до сбора следующего хорошего или среднего урожая, самая высокая смертность фиксировалась в 1555–1557 и 1596–1598 годах. Первый период был особенно суров, поскольку он совпал с эпидемией гриппа, которая началась в 1555-м и достигла пика в 1557–1559 годах. Затем, когда урожаи 1596 и 1597 годов погибли от дождей, самый страшный голод за столетие ударил по горным районам и долинам со смешанным земледелием, где шли особенно сильные дожди. Однако север Мидлендса, Эссекс и юго-запад страны погодные аномалии 1557–1559 годов практически не задели, а в 1596–1598 годах от голода пострадало относительно незначительное количество районов Восточной Англии и Центрального Мидлендса плюс несколько на юго-востоке⁴⁸.

Кроме неурожаев, минимум раз в десятилетие краткосрочные кризисы вызывали бубонная чума, пневмония, оспа и вирусное заболевание, называемое «потницей». Однако после опустошения страны, произошедшего в результате черной смерти, эпидемии чумы в некотором роде сделались локальными, о чем говорит тот факт, что крупные вспышки болезни в Девоне в 1546–1547 и 1589–1593 годах, а также в Стаффорде в 1593 году не перекинулись на соседние регионы. В 1520-е и 1590-е годы крупнейшие эпидемии, похоже, ограничивались Лондоном. Конечно, в тот или иной раз на большинстве территорий чума или грипп уносили 10 % (и более) населения. Однако главными центрами эпидемий чумы были Лондон, дельта Темзы и примыкающие районы Колчестера, Ипсвича и Нориджа. Эти наиболее густонаселенные районы были особенно уязвимы, поскольку отходы животноводства в дренажных канавах и текущие по улицам человеческие испражнения привлекали крыс и мух. Таким образом, тогда как смертность вследствие неурожая тяжелее била по нагорьям, где зерновые выращивались в рискованных условиях и где зерно приходилось покупать, эти же регионы обычно не затрагивались чумой вследствие их изолированности. И напротив, если голод шадил многие районы на юго-востоке и в Восточной Англии, которые имели местные продовольственные ресурсы и удоб-

⁴⁸ Wrigley E. A., Schofield R. S. *The Population History of England, 1541–1871: A Reconstruction*. London, 1981. P. 645–685; Palliser D. M. *Tawney's Century: Brave New World or Malthusian Trap* // *Economic History Review*, 2nd ser. 35. 1982. P. 339–353; *The Agrarian History of England and Wales*, iv. 1500–1640 / Ed. J. Thirsk. Cambridge, 1967; Hoskins W. G. *Harvest Fluctuations and English Economic History, 1480–1619* // *Agricultural History Review*, 12, 1964. P. 28–46; Harrison C. J. *Grain Price Analysis and Harvest Qualities, 1465–1634* // *Agricultural History Review*, 19, 1971. P. 135–155.

ный доступ к импортному зерну из-за границы, то грязные города, низины с многоотраслевым животноводством и районы с хорошими дорогами больше других страдали от чумы⁴⁹.

Таким образом, хотя голод и болезни принесли опустошение в затронутые районы, особенно в города 1590-х годов, массовой гибели людей в масштабах страны, как в XIV веке, не случилось даже во время эпидемии гриппа 1555–1559 годов. Действительно, вдобавок к другим трудностям режим Марии I столкнулся с самой высокой смертностью со времен черной смерти: численность населения снизилась на 200 000 человек, или на 6 %. Однако, поскольку некоторые районы страны были задеты незначительно, не подтверждается предположение, что эта ситуация явилась национальным кризисом с точки зрения ее географического распространения. Кроме того, прирост населения прекратился лишь на время. В самом деле, хронология, интенсивность и ограниченность пространства, на котором царил голод в XVI веке, говорят о том, что нехватка продовольствия в Англии со временем скорее уменьшалась, чем усугублялась, а эпидемии забирали меньше людей, чем раньше, в пропорции к росту численности населения. В сельской местности не было кризисов на протяжении двух третей правления Елизаветы, и сельское население оставалось избыточным. Когда в городах смертность превосходила рождаемость, этого избытка было достаточно и чтобы увеличить количество остающихся на земле, и чтобы компенсировать городские потери за счет миграции в города.

Вопрос дискуссионный, но есть масса доводов за то, что Англия при Тюдорах была экономически более устойчивой, более обширной и более уверенной, чем в любой другой период со времен римского завоевания Британии. Восстановление численности населения после опустошений черной смертью происходило медленно – медленнее, чем во Франции, Германии, Швейцарии и некоторых итальянских городах. Процесс экономического оживления в доиндустриальных обществах в первую очередь зависел от народонаселения, и тут нам помогут цифры. До голода 1315–1317 годов и черной смерти (1348–1349) население Англии и Уэльса насчитывало от четырех до пяти миллионов человек, возможно, даже от пяти с половиной до шести миллионов, но к 1377 году последующие бедствия сократили его до двух с половиной миллионов. К 1450 году произошло дальнейшее снижение до двух миллионов, но на этом уровне численность населения стабилизировалась, а к концу столетия начался постепенный рост. Тем не менее в 1525 году численность в Англии (без Уэльса) все-таки не превысила 2,26 миллиона. К тому же на первых порах рост народонаселения был медленным, прерывистым и, возможно, ограничивался только определенными районами. Лишь в 1520 году рост ускорился, а после 1525 года стал стремительным (см. таблицу 1). С 1525 по 1541 год население Англии росло очень быстро – впечатляющий взрыв после долгого затишья. С 1541 года темп роста несколько ослабел, но население по-прежнему продолжало увеличиваться, только в конце 1550-х годов этот процесс прекратился, и в 1601 году численность населения составила 4,10 миллиона человек. Кроме того, население Уэльса выросло примерно с 210 000 человек в 1500 году до 380 000 в 1603-м.

Таблица 1. *Численность населения Англии, 1525–1601 годы*

⁴⁹ Wrigley, Schofield. *Population History*. P. 174–179, 207–210, 234, 531, 645–685; Hatcher J. *Plague, Population and the English Economy, 1348–1530*. London, 1977; Cornwall J. *English Population in the Early Sixteenth Century* // *Economic History Review*, 2nd ser. 23, 1970. P. 32–44; Appleby A. B. *Famine in Tudor and Stuart England*. Liverpool, 1978; Appleby A. B. *Disease or Famine? Mortality in Cumberland and Westmorland, 1580–1640* // *Economic History Review*, 2nd ser. 26, 1973. P. 403–432; Fisher F. J. *Influenza and Inflation in Tudor England* // *Economic History Review* 18, 1965. P. 120–129; Slack P. *Mortality Crises and Epidemic Disease in England, 1485–1610* // *Health, Medicine and Mortality in the Sixteenth Century* / Ed. C. Webster, Cambridge, 1979. P. 9–59; Slack P. *The Impact of Plague in Tudor and Stuart England*. London, 1985; Palliser D. M. *Dearth and Disease in Staffordshire, 1540–1670* // *Rural Change and Urban Growth, 1500–1800: Essays in English Regional History in Honour of W. G. Hoskins* / Ed. C. W. Chalklin, M. A. Havinden. London, 1974. P. 54–75.

Год	Население, млн
1525	2,26
1541	2,77
1551	3,01
1561	2,98
1571	3,27
1581	3,59
1591	3,89
1601	4,10

Источник: E. A. Wrigley and R. S. Schofield. The Population History of England, 1541–1871: A Reconstruction (London, 1981), 531–532, 568

Эти изменения стали результатом сложного процесса. Медленный прирост населения в XV веке частично был обусловлен болезнями и в городах, и в сельской местности. Однако играли свою роль два еще более важных фактора – низкая рождаемость и ограничение роста семьи вследствие позднего брака. Похоже, что многие пары откладывали свадьбу, пока им не исполнится минимум 25 лет, тогда как во времена подушного налога 1377 года женщины обычно выходили замуж в 15–19 лет. Сокращение населения до 1500 года, таким образом, обусловливалось низкой рождаемостью и высокой смертностью: анализ завещаний показал, что в период 1430–1480 годов 24,2 % мужчин умирали холостыми, а 49 % тех, кто все-таки женился, умирали, не имея наследника мужского пола⁵⁰. Однако такие обстоятельства создавали видимость процветания: арендная плата за землю снизилась, поскольку арендаторов стало меньше, а лорды отказывались от самостоятельного возделывания своей земли, отдавая ее арендаторам на благоприятных условиях. Также снизилась рента и на традиционные крестьянские держания, отработочные повинности заменили, а вилланство (личная зависимость) к 1500 году сохранилось лишь в некоторых районах Восточной Англии. После 1349 года в ответ на сокращение рабочей силы выросла заработная плата в денежном выражении, а цены на продовольствие упали из-за снижения спроса на рынке. Возможно, это процветание вызвало увеличение рождаемости, а может быть, стимулом стало понижение брачного возраста. Похоже, что к 1480-м годам в брак стала вступать более значительная часть населения, что, должно быть, способствовало повышению уровня рождаемости. Несмотря на плохие урожаи в 1519–1521, 1527–1529 и 1544–1545 годах, рождаемость была высокой в 1550 году, на этот год имеются свидетельства приходских книг. Демографы также рассчитали, что ожидаемая средняя продолжительность жизни после 1564 года была выше, чем раньше, хотя она колебалась с 41,7 года в 1581 году до 35,5 – в 1591-м. Действительно, с 1564 до 1586 года смертность была ниже того уровня, на который она снова поднимется в конце Наполеоновских войн: ожидаемая продолжительность жизни равнялась примерно тридцати восьми годам. Хотя не следует забывать, что многие дети умирали в младенчестве, некоторые люди доживали до 50 лет, а кто-то и до 90, основная часть правления Елизаветы прошла без кризисов: годовой уровень смертности никогда не превышал 2,68 % населения⁵¹. Ускорение роста населения, таким образом, было

⁵⁰ Clay C. G. A. Economic Expansion and Social Change: England, 1500–1700. 2 vols.; Cambridge, 1984. i. 13.

⁵¹ Wrigley, Schofield. Population History. P. 234, 528.

вполне возможно: повышение рождаемости после 1500 года дополнялось постепенным снижением смертности.

Однако территориально население распределялось неравномерно, поскольку в условиях аграрной экономики люди жили в основном там, где земля могла их прокормить. При Тюдорах 90 % населения проживало в сельской местности, остальные – в городах, но три четверти обитали к югу и востоку от линии, которую можно провести от реки Северн до Хамбера. Хотя немногие фермеры были полностью самодостаточны и все больше людей пользовались рынками для продажи или обмена излишков сельскохозяйственной продукции, каждому региону или району приходилось иметь собственные основные средства существования: некоторые занимались и земледелием, и животноводством, и лесным хозяйством. Чему район будет уделять основное внимание, зависело от климата, почвы и склона, но в юго-восточной части страны главным образом находились основные регионы земледелия, смешанного хозяйства и сельскохозяйственного производства. В северных графствах были ограниченные земледельческие районы, но там и в Уэльсе, а также в Девоншире и Корнуолле далеко на юго-западе располагались обширные свободные пастбища, болота и горы, а поселения встречались редко. Удобную разделительную линию можно провести между Тизмутом и Уэйтмутом: она отделяет более густонаселенные южные и восточные графства, где превалировало возделывание зерновых и содержание домашнего скота, от пастушеских регионов к северу и западу, где разводили овец, лошадей и крупный рогатый скот. Есть и очевидные исключения из общего правила: богатые пастбища Болотного края (в графствах Кембриджшир, Линкольншир и Норфолк) и лесные пастбища Кента и Сассекс-Вилда были скотоводческими анклавами на юго-востоке, а в районах смешанного хозяйства Херефордшира и в приграничной полосе с Уэльсом выращивали зерновые на северо-западе.

Кроме Лондона, самыми крупными городами были Норидж, Бристоль, Эксетер, Йорк, Ковентри, Солсбери и Кингс-Линн, однако ко времени правления Генриха VIII население ни одного из них не превышало 12 000 человек, за исключением Лондона, который, по всей видимости, был домом для 60 000 жителей. Население Нориджа насчитывало 12 000 человек, Бристоля – 10 000, Эксете́ра, Йорка и Солсбери – 8000, Ковентри – 7500, а Кингс-Линна – 4500. Население маленьких городков, таких как Оксфорд, Кембридж, Ипсвич, Кентерберы, Колчестер и Ярмут, составляло от 2600 до 5000 человек, а остальных и того меньше: в Шеффилде жило 2200 человек, в Стаффорде – 1550 даже в 1620 году. В отличие от городов континентальной Европы ни в одном из провинциальных городов периода Тюдоров население не превышало 20 000 человек, в Норидже, правда, было 18 000 жителей до эпидемии 1579 года. Примерно 10 % населения в те времена проживало в городах, но половина этого количества всегда приходилась на Лондон. Эти пропорции сохранялись в течение всего XVI века: численность населения Лондона выросла до 215 000 к 1603 году, и общее количество жителей провинциальных городов примерно соответствовало тому. В конце правления Елизаветы в Норидже было 15 000 жителей, в Бристоле – 12 000, в Йорке – 11 500, в Эксетере и Ньюкасле-апон-Тайн по 9000 в каждом, в Кингс-Линне, Ковентри, Солсбери, Плимуте, Оксфорде, Кембридже, Ипсвиче, Кентерберы, Колчестере, Ярмуте, Шрусбери, Вустере и Честере от 5000 до 8500. Однако в течение XVI века существовала значительная разница в темпах роста провинциальных городов: устойчивый рост показывали признанные центры или места, где наблюдалось самое быстрое экономическое развитие, – например, Норидж, Йорк, Ньюкасл-апон-Тайн, Кингс-Линн и Ярмут.

Изменение численности населения повысило спрос на сельскохозяйственные продукты, соответственно росли и цены. Этот процесс усугубили краткосрочные кризисы 1555–1559 и 1596–1598 годов (см. таблицу 2). В период после 1520–1529 годов выросли цены в целом и на зерновые в сравнении с ценами на шерсть.

Таблица 2. Индекс цен на сельскохозяйственную продукцию, 1480–1609 (1450–1499 = 100)

Десятилетие	Средняя цена на зерно	Средняя цена на продукцию животноводства	Средняя цена на шерсть
1480–1489	114	107	113
1490–1499	97	101	96
1500–1509	112	102	93
1510–1519	115	118	119
1520–1529	154	105	111
1530–1539	161	127	122
1540–1549	187	159	153
1550–1559	348	213	206
1560–1569	316	236	205
1570–1579	370	257	234
1580–1589	454	295	225
1590–1599	590	372	315
1600–1609	560	387	348

Источник: *The Agrarian History of England and Wales, iv. 1500–1640* / Ed. J. Thirsk. Cambridge, 1967. P. 861–862

Цены на продукты животноводства в целом (молоко и сливки, масло, сыр, яйца, шерсть, овчину, кожу и т. д.) росли быстрее, чем на шерсть, но не так быстро, как на пшеницу, ячмень, овес и рожь. С 1450 по 1520 год цены на шерсть были сопоставимы с ценами на зерновые. Это свидетельствовало об отсутствии демографического давления и интенсивности экспорта тканей; более низкие цены на зерно, по всей вероятности, также повышали покупательную способность отечественных потребителей, таким образом поддерживая внутренний спрос на текстиль. Однако рост численности населения принес два больших изменения. Во-первых, он породил подъем спроса на зерновые, что дало фермерам, способным производить излишки для рынка, возможность получать солидные прибыли. Во-вторых, производство шерсти утратило часть своей привлекательности, поскольку возросший спрос на говядину и баранину со стороны более состоятельных домохозяйств сделал производство мяса более выгодным использованием пастбищ.

Коммерциализацию сельского хозяйства не следует преувеличивать⁵². Состояние рынка после 1520 года предоставило умелым фермерам возможность перейти к капитализму, поскольку внутренний и морской транспорт позволял доставлять продовольствие в городские центры. Спрос в Лондоне и наиболее крупных провинциальных городах стал мощным маг-

⁵² Bridbury A. R. Sixteenth-century Farming // *Economic History Review*, 2nd ser. 27, 1974. P. 538–556.

нитом, однако темп перемен не отличался стремительностью. Производительность сельского труда была невысокой, а урожайность низкой. Не хватало земли для зерновых культур, товарные производители и фермеры-крестьяне конкурировали за то, как использовать новые пастбища и пашни. То и дело возникал антагонизм между секторами земледелия и животноводства. Хотя оба, по существу, дополняли друг друга, поскольку навоз требовался при производстве зерновых, чтобы не истощать почву, многие пастбища для овец фактически поставляли сукно, чтобы оплачивать импорт предметов роскоши для богатых, а не обеспечивали запасы продовольствия. Pamфлетисты утверждали, что овцеводы ответственны за снижение уровня жизни, которое неожиданно ощутило большинство народа. Конечно, влияние неожиданного крещендо в спросе на продовольствие и давления на доступные ресурсы после 1520 года было столь же болезненным, сколь, возможно, и полезным в качестве экономического стимула. Земельный голод вел к повышению арендной платы, особенно для новых арендаторов. На юге в период с 1510 года до гражданской войны арендная плата выросла в 10 раз. В Мидлендсе с 1540 по 1585 год плата за луга увеличилась в четыре раза, а на пахотную землю даже больше. Только на севере повышение было менее заметным, в районах, где традиционное право позволило арендаторам отбить попытки землевладельцев поднять свои доходы. Вероятно, повышение арендной платы было самым значительным в тех местах, где землевладельцы объединяли два прилегающих участка ради прибыли за счет уходящих арендаторов. Этот процесс осудил и парламент, и проповедники как главную причину депопуляции в сельской местности; когда общинные земли огораживались, и пустоши возвращали себе лендлорды или захватывали скваттеры, права крестьян на выпас зачастую тоже аннулировались. Убеждение памфлетистов и проповедников, что оживленный рынок земли вскармливает новый предпринимательский класс капиталистов, омрачая лица бедных, – преувеличение. Тем не менее следует сказать, что не все землевладельцы, претенденты и скваттеры были абсолютно порядочны в своих подходах, в результате чего притеснялись многие законные владельцы.

Однако наибольшие трудности создавали инфляция и безработица. Высокие цены на сельхозпродукцию побуждали фермеров производить зерновые для продажи на самых дорогих рынках, а не для потребления сельскими жителями. Увеличение населения оказывало сильное давление и на сами рынки, особенно городские: спрос на продовольствие часто превышал предложение. Соответственно, большинство городских рынков было вынуждены вводить строгие нормы, по которым местные покупатели получали преимущество над приезжими и перекупщиками из других мест⁵³. Рост цен в реальности действовал пагубнее, чем кажется на первый взгляд, поскольку прирост населения обеспечивал много дешевой рабочей силы и низкие зарплаты. Рынок доступного труда неумолимо перекрывал имеющиеся в наличии рабочие места: соответственно, понижались средняя зарплата и уровень жизни. Мужчины и женщины были готовы ежедневно работать за скудный заработок, едва превышающий расходы на пропитание и жилье. Трудоспособные люди, многие из которых были крестьянами, согнанными с места возросшей арендной платой или огораживанием общинных земель, волнами текли в города в поисках работы.

Благосостояние потребителей со сдельной оплатой труда показано в таблице 3. Расчеты выполнены на основе меняющихся цен на основные компоненты потребления – продукты питания и ремесленные товары, например текстиль, которые составляли потребительскую корзину среднестатистической семьи Южной Англии в разное время. Доступны три показателя: первый – индекс стоимости совокупной потребительской корзины; второй – индекс цен относительно покупательной способности заработной платы строительного рабочего Южной Англии; третий – индекс цен относительно покупательной способности зарплаты сельскохозяйственного

⁵³ e. g. Norfolk Record Office, Norwich Mayor's Court Book 1510–1532. P. 201–202, 207, 227, 269 ff.; King's Lynn Assembly Book, 1497–1544 (KL/C7/5), fo. 197v.

рабочего Южной Англии. Никто не говорит, что такие показатели были характерны для всех наемных работников, но они свидетельствуют о том, как сильно росли домашние расходы у большинства людей в эпоху Тюдоров. За столетие после вступления на престол Генриха VIII средние цены на основные продукты потребления повысились более чем на 400 %. Однако цифры, приведенные в таблице 3, средние за десятилетие: в отдельные годы наблюдались более значительные колебания цен. Индекс находился на уровне около 100 до 1513 года, когда он поднялся до 120. Постепенный подъем до 169 произошел к 1530 году, и дальнейшее повышение до 231 было достигнуто к 1547-му, году смерти Генриха VIII. В 1555 году индекс составил 270, а через два года уже 409, что частично было результатом снижения ценности денег и эпидемии гриппа. К восшествию на престол Елизаветы I индекс вернулся в среднем к показателю 230. Затем он снова поднимался, но более постепенно: 300 – в 1570, 342 – в 1580 и 396 в 1590 году.

Таблица 3. Цена потребительских товаров и зарплаты в Южной Англии, 1480–1609 годы

(1) стоимость совокупной потребительской корзины (1451–1475 = 100)			
(2) покупательная способность зарплаты строительного рабочего (1450–1499 = 100)			
(3) покупательная способность зарплаты сельскохозяйственного рабочего (1450–1499 = 100)			
Десятилетие	(1)	(2)	(3)
1480–1489	116	93	86
1490–1499	101	103	104
1500–1509	104	96	97
1510–1519	111	88	89
1520–1529	148	76	80
1530–1539	155	68	80
1540–1549	192	70	71
1550–1559	289	51	59
1560–1569	279	62	66
1570–1579	315	64	69
1580–1589	357	57	57
1590–1599	472	47	49
1600–1609	475	46	50

Источники: (1) Phelps Brown E. H., Hopkins S. V. *Economica*, ns 23 (Nov. 1956); (2) & (3) *The Agrarian History of England and Wales*, iv. 1500–1640 / Ed. J. Thirsk. Cambridge, 1967. P. 865

Однако во второй половине 1590-х годов широко распространился голод и региональные эпидемии: индекс составил 515 в 1595 году, 685 – в 1598-м и вернулся к показателю 459 только в 1600-м.

Индекс покупательной способности дает столь же трезвое представление о трудностях жизни при Тюдорах. С 1500 по 1540 год зарплата строительного рабочего постоянно обесценивалась, за эти годы ее товарный эквивалент снизился примерно на 30 %. Индекс снова падал в 1550-е годы, но в следующем десятилетии вернулся на позицию, равную двум третям его показателя в 1500-м. Затем он оставался более или менее стабильным до 1590-х, когда цифры за отдельные годы стали более красноречивыми, чем средние за десятилетие: индекс рухнул до 39 в 1595 году и до 29 в 1597 году. К 1603 году он восстановился до 45, и это означало, что зарплаты в производстве товаров упали более чем в половину с 1500 года. Колебания зарплат в сельском хозяйстве примерно соответствовали показателям у строительных рабочих, за исключением того, что снижение покупательной способности в этой системе происходило медленнее. К тому же работники сельского хозяйства имели возможность достичь более высокой оплаты за сезонные работы, такие как сенокос, заготовка сена и сбор урожая. Кроме того, они имели преимущество платы натурой – например, прислуге в зажиточных домах предлагали мясо и спиртные напитки, что высоко ценилось ввиду роста цен на продукты.

Представленные в таблицах 1–3 данные демонстрируют самый существенный факт жизни тюдоровской Англии. Когда рост населения сопоставляется с индексами цен и зарплатами, становится ясно, что данные показатели взаимосвязаны: уровень жизни понижался с приростом населения; зарплаты восстанавливались и цены на зерновые временно падали, когда в 1555–1560 годах население сокращалось; однако к концу столетия материальное благосостояние снова неуклонно снижалось. Падение курса валюты, неожиданные изменения обменных курсов и рост количества рабочей силы, должно быть, оказывали свое негативное влияние, но когда ищешь основополагающий фактор, представляется, что главным двигателем экономической жизни было увеличение численности народонаселения, а не правительственная политика, не предприниматели-капиталисты, не импорт в Европу американского серебра, не ускоренное денежное обращение и даже не «порча монеты». Государственные расходы на ведение боевых действий и строительство укреплений в 1540-е годы, внешние заимствования и фальшивые деньги усугубляли инфляцию и безработицу: последующие войны Генриха VIII и лорд-протектора Сомерсета стоили примерно три с половиной миллиона фунтов стерлингов. Поскольку совокупный чистый доход от поступления налогов и выручки от продажи бывших церковных земель уступал этой цифре, курс валюты снижался, принося короне прибыль более миллиона фунтов стерлингов. Впрочем, пояснения монетаристов, что к росту цен вело увеличение денежной массы, имеют второстепенное значение. Испанское серебро из Нового Света составляло значительную часть запасов серебряных слитков монетного двора Тауэра в отдельные годы правления Елизаветы, о чем имеются дошедшие до наших дней соответствующие записи. Солидные суммы приносило также каперство и пиратство⁵⁴. Но и монетаристские объяснения определенным образом связаны с приростом населения: увеличение численности европейского населения, стимулировавшее спрос и объем производства, способствовало повышению потребности в деньгах, что сделало более прибыльным горное дело, хотя эта потребность удовлетворялась также за счет возросшей оборачиваемости существующей монеты.

Однако если определяющим фактором экономической жизни был прирост населения, стало быть, верно и то, что самое большое достижение тюдоровской Англии заключалось в ее способности прокормить себя. Коммерциализация сельского хозяйства отвечала давлению на снабжение продовольствием, но ситуация в Англии после 1500 года не была строго мальтузианской. Томас Мальтус, написавший свой «Опыт о законе народонаселения» (*Essay on the*

⁵⁴ Palliser D. M. *The Age of Elizabeth: England under the Later Tudors, 1547–1603*. London, 1983. P. 135–150.

Principle of Population) в 1798 году, перечислил реальные и предупредительные препятствия к росту населения как традиционные средства, которые обеспечивают баланс народонаселения и доступных ресурсов продовольствия⁵⁵. Реальные препятствия представляют собой массовую гибель людей и резкое прекращение прироста населения. К предупредительным препятствиям он отнес сокращение рождаемости, предупреждение беременности, а также менее многочисленные и более поздние браки. Однако при Тюдорах не случалось катастрофических кризисов, которые были бы национальными в географическом смысле, предупредительные препятствия тоже не остановили роста населения. Вместо этого они сохраняли равновесие, необходимое для долгосрочного увеличения численности населения. В XVI веке взаимосвязь между колебаниями цен и смертностью была гибкой: высокие цены вызывали единовременное повышение смертности на два-три года, а затем наблюдался отскок. Общее влияние на численность населения за пять лет было нулевым. Кроме того, на первых порах смертность оказывала сильное негативное влияние на рождаемость в основном вследствие выкидышей и меньшего количества зачатий, но через 10 месяцев она стремительно восстанавливалась на период примерно 26 месяцев, таким образом компенсируя предыдущий спад в уровне рождаемости. В третьих, смертность оказывала краткосрочное негативное влияние на число браков, однако по прошествии двух месяцев увеличивалось количество вторых браков, и общий эффект получался положительным⁵⁶. В обществе также наблюдалось снижение уровня постоянного безбрачия, что, возможно, было связано с протестантской Реформацией. Таким образом, Мальтус справедливо объяснял инфляцию при Тюдорах ростом населения, но ошибался, предполагая, что предупредительные препятствия сокращали численность населения в отсутствие смертности от недостатка средств существования. Отличительная черта истории народонаселения при Тюдорах заключалась в том, что более высокий уровень рождаемости совпадал с возросшей средней продолжительностью жизни.

Оптимистическое мнение об эпохе Тюдоров, таким образом, имеет солидные основания. В XVI веке произошла эволюция политической экономии: был найден баланс между населением и ресурсами, экономикой и политикой, мечтой и здравым рассудком. Национальные кризисы бытия Средних веков заменила система баланса низкого давления. Однако прогресс имел свою цену. Совершенствование сельского хозяйства содействовало экономическому росту за счет бедственного положения крестьян; возросшее производство порождало процветание землевладельцев и обнищание наемных рабочих. Главной динамикой перемены был рост, но в результате произошла поляризация общества. С 1500 по 1640 год возникло нарастающее расхождение в уровне жизни богатых и бедных, а борьба за доходы от сельского хозяйства подрывала традиционные идеалы доброй власти и социальной ответственности. Высшие слои общества – пэры, джентри, йомены и городская элита – становились богаче, а бедные нищали. Тогда как питание высших слоев улучшалось, их дома становились больше и комфортабельнее, чем раньше, их мебель и столовая посуда поднимались на новый уровень изысканности, еда бедных ухудшалась, они жили в пустых хижинах или деревенских сараях и на убогих перенаселенных окраинах городов⁵⁷.

Часть этих изменений в укладе общества замечали и тогда. В своем трактате «Описание Англии» (Description of England), который создавался в 1560-е годы, Уильям Харрисон отметил перемены, подмеченные в течение жизни стариками его деревни в Эссексе. «Недавно установили множество печных труб» – свидетельство о появлении елизаветинского особняка; «большое изменение в комнатах» означало более удобные постельные принадлежности; «дру-

⁵⁵ Идея предупредительного препятствия появилась в «Опыте о законе народонаселения» издания 1803 года. Последний раз Мальтус редактировал свой труд для издания 1816 года, этот окончательный текст впоследствии и переиздавали.

⁵⁶ Wrigley, Schofield. Population History. P. 356–401.

⁵⁷ Wrigley K. English Society, 1580–1680. London, 1982. P. 130–142.

гая посуда» – замещение оловянными тарелками и серебряными или оловянными ложками деревянных. Перемены к худшему включали снижение радушия церковнослужителей и джентри, увеличение арендной платы за жилье с £4 в год до 40, 50 и даже £100, притеснение арендаторов и копигольдеров, а также рост процентной ставки выше 10 %⁵⁸. В понимание социального сдвига того времени, однако, не входило представление о земледельце как производственном ресурсе. Тем не менее экономический рост был связан со средствами производства, которые по преимуществу составлял физический труд. Наемный рабочий был основным ресурсом, и в тюдоровской Англии доля, как и количество, мужчин и женщин, которые работали за зарплату, росло. Вытесненные с земли крестьяне составляли мигрирующую рабочую силу, получавшую сезонную работу в зависимости от возможностей, предоставляющихся в сельском хозяйстве или на местных производствах. Большое количество людей перемещалось в животноводческие регионы в качестве батраков на болотах, в лесах и пустошах, где можно выращивать животных, ища работу у предпринимателей, которые считали их удобным резервом рабочих при «надомной» системе. Таких поселенцев привлекали ткацкие районы в графствах Норфолк, Саффолк и Эссекс; угольные, лесные и железные рудники в глостерширском Дин-Форесте, а также угольные копи долины Тайна. Другие мигранты двигались в города, прежде всего в Лондон, который принимал по 5600 человек ежегодно в период с 1560 по 1625 год. Однако самая забытая часть мигрирующих рабочих были бездомными и безработными: неквалифицированные мужчины и женщины скитались по сельской местности в поисках средств существования и, если не могли найти работу, просили подаяние или были вынуждены воровать⁵⁹.

Сложно подсчитать, какая часть населения жила в бедности, поскольку бедность – относительное понятие, и тирания индекса цен не была вездесущей. Количество людей, полностью зависящих от зарплаты, составляло значительно меньше половины населения даже к 1603 году. Совместное проживание, сезонные работы и надомное производство дополняли наемный труд в сельской местности, а обитатели городов выращивали овощи, держали домашний скот и варили пиво, за исключением границ Лондона. Скорее всего, на грани существования находилось две пятых населения, но Харрисон оценил количество бродяг, или «крепких попрошайек», в 10 000 человек, а официальный обзор 1569 года дал цифру 13 000 – всего 0,4 % населения. Однако в умах собственников бедные представляли собой не ресурс, а угрозу. Они были ленивцами и преступниками; предпочитали нищенствовать и воровать, а не работать; бродяжничали не в поисках заработка, а чтобы пользоваться городскими и приходскими пособиями. И центральное правительство, и местные магистраты боялись угрозы бродяжничества, особенно во времена дефицита продуктов и политических кризисов: их первой мыслью было предположить, что люди не имеют работы, потому что они ленивы, а потом счесть «умышленную» безработицу преступной. В трактате 1536 года «Средство от подстрекательства к бунту» (*A Remedy for Sedition*) Ричард Морисон дал классический анализ:

Сколько английской земли простаивает? Сколько зерна могли бы мы продать в другие страны, если бы воспользовались богатствами нашего королевства? Сколько пустошей, на которых росли бы плоды, а не кустарник, орляк и ракитник, если бы их хорошо обрабатывали? Сколько городов обветшало, сколько городков, теперь ставших деревушками, пришли в полный упадок, а могли бы стоять, если бы треть Англии не жила в праздности? Городки возродились бы, если бы в них развивали ремесла. Не так много стран, но многие ленивы. Однако я думаю, что нет и двух крупнейших стран в

⁵⁸ The Description of England / Ed. G. Edelen. Ithaca, NY: Folger Books, 1968. P. 200–203.

⁵⁹ Wrightson. English Society. P. 125–130; Appleby J. O. Economic Thought and Ideology in Seventeenth-century England. Princeton, NJ, 1978. P. 129–157.

христианском мире, где была бы половина живущих без дела от того, сколько есть в маленькой Англии⁶⁰.

Мнение, что нищета преступна, изменилось с течением столетия: появились и позитивная, и негативная позиции. За период с 1536 по 1601 год были приняты Статут ремесленников (1563) и многочисленные законы о бедных. Они обеспечили связующее звено между традиционными подходами, в силу которых назначение бедных состояло в том, чтобы предоставлять другим возможность для благотворительных акций и совершенствования светских систем поддержки, созданных по образцу социальных программ, впервые успешно введенных в городах Франции, Германии, Италии и Нидерландов. Они основывались на принципе, что вынужденную безработицу и бедность следует уменьшать при помощи профессионального обучения и приходских налогов⁶¹. Правда, гарантия трудовой дисциплины была столь же существенна для новой точки зрения, как и предоставление государственных пособий по безработице для достойных бедных. Парламент предпринимал только то, что уже хорошо укоренилось в более просвещенных городах: эксперименты Лондона, Халла, Нориджа, Ипсвича и Йорка подкрепляли позитивное мышление⁶². К тому же к кодификации законодательства в 1598 и 1601 годах подталкивал не только альтруизм, но и боязнь бродяжничества и городских голодных бунтов. Однако Харрисон формулировал новый подход, приводя три категории нищеты: вследствие «беспомощности» или зависимости; несчастного случая или невзгод; лени или безответственности. Разграничение между умышленной и вынужденной нищетой было средневековым, но в XVI веке его подтвердили, поскольку неразборчивую благотворительность и собиранье милостыни ограничили по всей Европе в интересах общественного порядка. Харрисон доказывал, что общество должно помогать, как того требует Священное Писание, вынужденно бедным, а умышленно бедные – это «воры и кровопийцы на теле общества и, по Слову Божьему, не достойны пищи». Бродяги и праздные попрошайки только «слизывают пот со лба настоящих тружеников и лишают благочестивых бедных того, что им причитается»⁶³.

Социальное расслоение, однако, не мешало социальной мобильности. Активный рынок земли, коммерциализация сельского хозяйства и распространение образования создавали молодым людям возможности для продвижения. Достичь успеха за счет образования, не имея знатного происхождения, после 1560 года было, наверное, труднее, чем раньше, но наименьшие средства повысить свой статус имели женщины, поскольку социальные институты и закон их дискриминировали. Женщинам оставалось лишь удачное замужество. Некоторые женщины становились церковными старостами (теми, кто следит за порядком), домоуправительницами или школьными учительницами, но общее право рассматривало жен как *femmes couvertes*: их законный статус передавался мужьям. Правда, елизаветинский Суд лорд-канцлера начал оказывать женщинам поддержку в отношении их прав наследования, а также прав на имущество, завещанное им при вступлении в брак. Общее и муниципальное право позволяло вдовам владеть землей и вести торговлю в соответствии с их правами. Лондон разрешал замужним жен-

⁶⁰ Humanist Scholarship and Public Order / Ed. D. S. Berkowitz. Washington DC: Folger Books, 1983. P. 136–137.

⁶¹ *Kingdon R. M.* Social Welfare in Calvin's Geneva // *American Historical Review*, 76, 1971. P. 50–69; *Davis N. Z.* Poor Relief, Humanism and Heresy: The Case of Lyon // *Studies in Medieval and Renaissance History*, 5, 1968. P. 217–275; *Grimm H. J.* Luther's Contributions to Sixteenth-century Organization of Poor Relief // *Archiv für Reformationsgeschichte*, 61, 1970. P. 222–234; *Heller H.* Famine, Revolt and Heresy at Meaux, 1521–25 // *Archiv für Reformationsgeschichte*, 68, 1977. P. 133–156; *Pullan B.* Rich and Poor in Renaissance Venice. Oxford, 1971. P. 239–291; *Fideler P. A.* Discussions of Poverty in Sixteenth-century England. Brandeis University, Ph. D. dissertation; published University Microfilms, Ann Arbor, 1971.

⁶² *Leonard E. M.* The Early History of English Poor Relief. Cambridge, 1900. P. 25–40; Poor Relief in Elizabethan Ipswich / Ed. J. Webb. Ipswich: Suffolk Records Society, 1966. P. 11–20; *Pound J.* An Elizabethan Census of the Poor: The Treatment of Vagrancy in Norwich, 1570–1580 // *University of Birmingham Historical Journal*, 8, 1962. P. 135–161; *Pound J.* Poverty and Vagrancy in Tudor England. London, 1971; repr. 1978; *Beier A. L.* The Social Problems of an Elizabethan County Town: Warwick, 1580–1590 // *Country Towns in Pre-industrial England* / Ed. P. Clark. Leicester, 1981. P. 46–85.

⁶³ Description of England. P. 180–186.

щинам торговать независимо от мужей в пределах границ города. Однако в других отношениях дискриминация была жестокой: в особенно уязвимом положении находились незамужние женщины, к тому же литература создавала стереотипы женщин как «сварливых мегер» или сплетниц. Таким образом, социальную мобильность необходимо рассматривать с учетом всех факторов. Шанс на значительное повышение статуса имели мужчины, которые могли приобрести достаточно земли, завоевать доступ в городскую элиту или получить профессию, а также люди, способные вступить в брак с человеком значительно выше себя по положению в обществе. Требовалось также время, прежде чем повышение в статусе укрепитсЯ: говорили, что для этого нужно три поколения, однако богатство, связи и местная политическая жизнь играли решающую роль.

Вопрос статуса осложняется тем фактом, что экономическое положение не было эквивалентом социального статуса. Критерием первого было преуспевание, а второго – знатность. Нередко оба критерия частично совпадали, как в случае с землевладельцами, но иногда такого не происходило. Наиболее яркий пример – род занятий: духовенство, юристы, выпускники университетов, врачи, армейские офицеры и государственные чиновники считались дворянами. А вот йомены, средние коммерсанты, ремесленники и нотариусы не считались, даже если имели соизмеримое состояние. Городской статус был особенно непоследовательным. Лицам, занимающим более высокие городские посты, как правило, предоставлялся дворянский статус, крупные коммерсанты приравнивались к джентри, если они вкладывали деньги в землю – практический критерий знатности, – но члены «ливрейной компании», состоятельные галантереисты и портные не относились к джентри, если у них не было земли.

Политический статус тоже имел собственную структуру. В «политическую нацию» входила родовая знать, старшее духовенство, джентри и некоторые другие лица, имеющие избирательные права. В сельской местности джентри и йомены побогаче служили местными магистратами, налоговыми инспекторами и занимались набором в армию. Лица, имеющие земельную собственность с ежегодным доходом 40 шиллингов и больше, обладали избирательным правом в парламентских выборах, несмотря на то что до XVII века некоторые выборы на деле оспаривались. Таким образом, границы политического влияния между более зажиточными йоменами и менее состоятельными джентри были размыты. Некоторые фермеры даже становились исключением из традиции не допускать простолюдинов до участия в выборах, когда инфляция подняла стоимость их фригольдов выше 40 шиллингов, тогда как более крупные йомены лишались избирательного права, поскольку они арендовали землю, а не владели ею. В городах избирательное право приблизительно соответствовало положению в сельской местности. Горожане наделялись «политической свободой» в своих городах по родовому имуществу, образованию или годовому доходу с земли, после чего получали право занимать городской пост и избирать две-три дюжины членов муниципального совета. На практике, однако, городские органы управления были менее демократичными, чем представляется: при Тюдорах количество членов городского совета сократилось, а браки между представителями элитных семей стали настолько обычным делом, что в небольших городках подавляющая часть членов совета были так или иначе связаны родством. Более того, они контролировали местную торговлю. Члены городского совета избирали мэра и примерно дюжину помощников, а мэр с помощниками часто назначали городских полицейских, с участием членов совета или без такового. Когда того требовала корона, мэр города и его помощники замещали членов коллегии мировых судей, сборщиков налогов и инспекторов, а поскольку они вершили правосудие и в городских судах, и в суде квартальных сессий, управление большинства городов фактически осуществлялось олигархически⁶⁴. Их главной заботой было экономическое регулирование

⁶⁴ Crisis and Order in English Towns, 1500–1700 / Ed. P. Clark, P. Slack. London, 1972; The Early Modern Town / Ed. P. Clark. London, 1976; *Palliser M.* Tudor York. Oxford, 1979; *MacCaffrey W. T.* Exeter, 1540–1640. Cambridge, Mass., 1958; 2nd edn., 1975.

и защита собственных имущественных прав; лидеры могли казаться деспотичными и нерепрезентативными, а высший руководящий орган десятилетиями стремился ограничивать свой состав одним и тем же кругом аристократии.

Ограничения в повышении социального статуса наиболее ярко прослеживаются в сравнении форм землевладения и распределения наград⁶⁵. Главными членами светского общества были пэры: несмотря на то что в 1509 году их было только 42 человека, в 1547 – 51 человек, в 1553 – 56, в 1559 – 63 и в 1603 – 55 человек, им принадлежало примерно 10 % всей пахотной земли страны. Кроме того, пэры занимали особое положение в обществе, поскольку доступ в их ряды контролировался самим монархом и регулировался законами первородства. При Генрихе VII и Генрихе VIII новых пэров появлялось немного, за исключением периода с 1529 по 1540 год. Падение Уолси и созыв парламента Реформации дали наибольшее прибавление в рядах высшей аристократии: Генрих VIII даровал семь новых баронских титулов и повысил ранг трех уже существующих пэров. Король руководствовался политическими соображениями: дополнительное количество изменило баланс в палате лордов таким образом, чтобы обеспечить большинство голосов светским пэрам, а не прелатам. Впоследствии Генрих VIII относительно щедро раздавал высокие титулы, но количество объявлений вне закона в течение его правления вкупе с биологическим пресечением мужской линии семейств не позволили значительно увеличить общее количество высшей знати. Ко времени смерти короля в 1547 году в стране было всего на восемь пэров больше, чем при его восшествии на престол. Однако большинство из них были «новыми» пэрами: половина баронов были обязаны своими титулами Генриху, а из семнадцати пэров ранга виконт и выше только шесть получили их не из рук Генриха. Огромное большинство новых пэров составляли успешные придворные и военнослужащие: существовала вероятность повышения статуса за счет заслуг, однако шансы человека добиться дворянского титула этим путем оставались незначительными.

Елизавета, напротив, создала или восстановила всего 18 пэрств. Ее политика состояла в том, чтобы сохранять пэрство как касту избранных для представителей древних родов. Фрэнсис Нонтон написал, что «сочетание древности рода с преданностью – смесь, которая всегда отвечала натуре королевы». За ее правление было пожаловано только 10 «новых» титулов, и большинство удостоенных уже имели родственные связи с пэрами, благородное происхождение или родство с королевой. Исключением были лорд Берли и лорд Комптон. Кроме того, было восстановлено пять прежних титулов; Реджинальду Грею позволили вернуть титул графа Кентского (от которого его дед отказался из-за бедности); еще два титула было унаследовано по женской линии. В январе 1589 года Елизавета обдумывала некоторое увеличение количества пэров. Берли писал: «Ее величество, нуждаясь в пэрах для парламента, намерена дать несколько титулов графа и барона». Однако тогда ничего не было сделано, и пожалование титулов королевой даже не компенсировало потери вследствие объявления вне закона и прекращения мужской линии рода: в течение ее правления количество пэров немного сократилось.

В рыцарское достоинство обычно возводили примерно дюжину ведущих семейств джентри каждого графства, но в разное время количество имеющих этот титул значительно различалось. В 1490 году было примерно 375 рыцарей, к 1558-му их количество увеличилось до 600, упало до 300 к 1583-му и восстановилось до 550 в 1603 году. Хотя рыцарство изначально подразумевало исполнение воинской повинности, в XVI веке этот аспект потерял свое значение. Харрисон отмечал, что корона «навязывала посвящение в рыцари» лицам, владевшим фригольдом с доходом £40 в год, а сэр Томас Смит заметил, что в рыцарское достоинство «часто возводили при единственном условии – если ежегодный доход с земли позволял

⁶⁵ Данные для последующих абзацев взяты из: *Cooper J. P.* Land, Men and Beliefs: Studies in Early Modern History. London, 1983; *Stone L.* The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641. Oxford, 1965; *Miller H.* Henry VIII and the English Nobility. Oxford, 1986; *Agrarian History* / Ed. Thirsk. iv. 276–306; *Graves M. A. R.* The Tudor Parliaments: Crown, Lords, and Commons, 1485–1603. London, 1985.

содержать свой участок». Однако Елизавета скупилась на посвящения в английские рыцари, несмотря на стремление войти в дворянство многих землевладельческих семейств. В военные годы ее правления титулов раздавалось как будто бы заметно больше, но немало из рыцарей тех времен было возведено в дворянское звание в Ирландии или на полях сражений заместителями командующего. Многие были добровольцами или «искателями приключений», потом они болтались по Лондону с важным видом, как рыцари, тогда как их отцы в сельской местности по-прежнему оставались эсквайрами. Говорили, что Елизавета чуть ли не больше гневалась на графа Эссекса за то, что во время своей бесславной ирландской экспедиции 1599 года он посвятил в рыцари 81 человека, чем за то, что не смог разбить Тирона.

В 1524 году среднее землевладение рыцаря составляло около 6000 акров, и к восшествию на престол Елизаветы сословие в целом владело, вероятно, 8 % возделываемой земли. Точные расчеты сделать невозможно, но если сложить земельные владения английских пэров и рыцарей, то приблизительно получится три-четыре миллиона акров, или 15–20 % от 20 миллионов акров всей пахотной земли в стране. Обе группы вместе образовывали в значительной степени однородную элиту с общими взглядами, вытекающими из их основных интересов как землевладельцев.

Эсквайров и «простых» джентри было значительно больше, к тому же джентри стали единственной основной статусной группой, войти в которую можно без участия со стороны короны или аристократии. Эсквайрами были старшие сыновья рыцарей и их последующие старшие сыновья; младшие сыновья баронов или их наследники; мужчины, произведенные в эсквайры короной; мировые судьи и другие судебные должностные лица, избранные в своих графствах; а также джентри, так или иначе подходящие по достатку и положению. Джентльменов, напротив, определить сложнее. Хотя геральдическая палата прилагала усилия, чтобы уберечь использование гербов от полного обесценивания, признание друзей и соседей обычно значило не меньше, чем представления, основанные на обычаях войны, и теории по поводу права пользоваться гербами. Харрисон объяснял:

Любой, кто изучил законы нашего королевства; кто пребывал в университете, посвящая себя работе над книгой или изучению медицины и естественных наук; кто, кроме службы в штабе командира на войне или советником дома, не знал другой физической работы, поскольку ему позволяет состояние, может и будет иметь положение, девиз и приниматься как джентльмен. Он за деньги получит герб, который ему присвоят герольды (они в геральдической палате привычно создают родословные и послужные списки, а также многие другие забавные вещи), и поэтому будет называться господином, как люди называют эсквайров и джентльменов, и навсегда считаться джентльменом. Это совсем не запрещается, потому что принцы ничего не теряют, джентльмену также надлежит платить налоги и общественные сборы, как йомену и земледельцу, что он будет делать охотнее, чтобы сохранить репутацию <...> никто от этого не пострадает, кроме самого человека, который, возможно, возьмет себе ношу не по плечу⁶⁶.

В 1540 году насчитывалось примерно 5000 семей джентри, а в 1640-м, судя по всему, 15 000. На первый взгляд количество членов этого сословия увеличилось в три раза, тогда как общая численность населения за это время только удвоилась. Однако успешность или несостоятельность этих землевладельцев зависели от их способности приспосабливаться к капиталистическому способу ведения хозяйства; кроме того, успех вернее ждал в первую очередь крупных йоменов, особенно йоменов-фригольдеров, которые были защищены от роста аренд-

⁶⁶ Description of England. P. 113–114.

ной платы. Цифры получить сложно, но в 1600 году Томас Уилсон оценил количество фригольдеров в Англии и Уэльсе «примерно в 80 000», как он «увидел в книгах шерифов»⁶⁷. Его цифра на самом деле слишком велика, поскольку предполагается, что в нее не входят джентри. Впрочем, даже если сократить количество фригольдеров, не принадлежащих к джентри, до 60 000, что было бы разумной оценкой числа крупных йоменов, которые были фригольдерами со средним землевладением 70–80 акров, то становится совершенно ясно: лишь небольшая часть этих фермеров могли «иметь положение» как джентльмены, что легко объясняло «рост количества джентри».

Данный вопрос осложняется тем, что люди двигались по социальной лестнице не только вверх, но и вниз. Семьи титулованных и мелкопоместных дворян вымирали и беднели так же, как и повышали свой статус: в графстве Йоркшир в 1558 году было 557 семей джентри, в 1603-м – 641, а в 1642-м – 679, однако «чистый прирост» 122 семьи не отражает того факта, что еще 181 семья пресеклась по мужской линии, 64 семьи покинули графство, а 30 исчезли без следа⁶⁸. В общем, семьи, наиболее удачно поднявшиеся вверх с 1540 по 1640 год, были семьями политиков с доступом к выгодным должностям: Уильям Петре, Николас Бэкон, Уильям Сесил, Роберт Сесил, Лайонел Крэнфилд, Томас Уэнтворт и так далее. Другие семьи впечатляюще поднялись благодаря состояниям, заработанным в лондонском Сити или на юридическом поприще, а не на доходах от землевладений. Тем не менее если к началу правления Генриха VII средние и мелкие джентри владели примерно 25 % пахотной земли, то к 1640 году они имели в своем распоряжении почти половину пашен. По сравнению с джентри владения йоменов, хазбендменов и копигольдеров увеличились за тот же период незначительно: примерно с 20 % до 25–33 % пахотной земли. (С 1500 по 1640 год землю теряли в основном церковь и корона⁶⁹.) Соответственно, если количество джентри увеличилось в три раза, а объем принадлежащей им земли только удвоился, то средняя величина имений джентри уменьшилась⁷⁰. Однако поскольку многие йомены эпохи Тюдоров, несомненно, поднялись в сословие джентри благодаря стабильным доходам от своего хозяйства, этого и следовало ожидать. Большинство джентри XVII века имели во владении 1000 акров земли или менее, – а многие имели значительно меньше, – и в конечном счете экономическая мобильность отдельных землевладельческих семейств была более значимым фактором, чем их социальный статус, хотя эти два вопроса, разумеется, взаимосвязаны. Однако если главную роль играло состояние, это говорит в поддержку того, что в эпоху Ренессанса «знатность была концептом поиска своей роли в обществе»⁷¹.

Промышленный и торговый сектора экономики были невелики в сравнении с сельским хозяйством, но и на них тоже оказывал влияние прирост населения. Рост внутреннего и экспортного спроса после 1470 года содействовал увеличению производства товаров и некоторому общественному разделению труда, но с 1550 по 1603 год рост промышленности едва ли поддерживался. О внутреннем спросе слишком мало известно, чтобы делать надежные выводы, однако представляется, что излишняя рабочая сила, появившаяся в результате прироста населения, понижение платежеспособности наемных рабочих и тот факт, что примерно две пятых населения страны находилось на грани выживания, ослабляли потребности промышленности и не давали предпринимателям достаточных стимулов, чтобы поднимать производительность,

⁶⁷ Cooper. *Land, Men and Beliefs*. P. 25–26.

⁶⁸ Palliser. *Age of Elizabeth*. P. 86.

⁶⁹ Clay. *Economic Expansion and Social Change*, i. 143.

⁷⁰ Clay. *Economic Expansion and Social Change*, i. 158.

⁷¹ Palliser. *Age of Elizabeth*. P. 70; cf. Cooper. *Land, Men and Beliefs*. P. 43–77.

стремиться к организационным переменам и технологическим инновациям или масштабно замещать импорт⁷².

Потребительский спрос существовал по преимуществу на ограниченный круг товаров: шерстяные ткани и кожаные изделия, строительные материалы, а также сельскохозяйственные и бытовые инструменты. В 1500 году основные города по-прежнему имели крупные ткацкие мануфактуры, но в течение XIV и XV веков суконное производство почти совершенно переместилось в ярмарочные городки и селения Норфолка, Саффолка и Эссекса, Уилд-оф-Кента, Глостершира, Уилтшира, Сомерсета и Девона, а также в западный райдинг Йоркшира. Данные сельские центры развивались не потому, что были близки к местным ресурсам шерсти – овцеводством в Уилде почти не занимались, – а потому, что производство сукна требовало много рабочих рук. Примерно 15 человек за неделю производили один неокрашенный отрезок ткани среднего качества длиной 12 м и шириной 1,6 м. Гибкое предложение своих услуг имело решающее значение для экономики этой отрасли, и при Генрихе VII и Генрихе VIII развитие ткацкого производства продолжилось в тех районах, где была доступна дешевая рабочая сила либо на поденную работу, либо, чаще всего, на надомную с оплатой за изделие. Однако в 1550-е годы пик выпуска продукции уже прошел: между 1470 и 1550 годами экспорт сукна утроился (в среднем около 130 000 штук ткани в год за 1547–1553 годы), хотя общий рост экспорта происходил за счет необработанной шерсти. По сути, искусственные всплески деловой активности 1544–1546 и 1550–1551 годов произошли вследствие снижения курса валюты, осуществленного Генрихом VIII и Эдуардом VI, в результате которых понизилась стоимость английских экспортных товаров, но в 1551–1552 годах, когда курс валюты снова повысили, экспорт сократился. Тем не менее сокращение не было резким: не к коллапсу, а к стабильности пришли в 1560 году, когда экспорт ткани в среднем составил примерно 110 000 штук в год, и этот уровень поддерживался почти на всем протяжении правления Елизаветы.

Хотя английские приемы ткачества оставались в значительной степени традиционными, местные ткачи осуществили некоторые технические нововведения, а приезд протестантских ткачей из Нидерландов, бежавших от инквизиции Филиппа II и военных действий в 1560–1570-х годах, содействовал производству новых видов тканей. В городках Кента и Восточной Англии образовались целые колонии ткачей-иммигрантов: в начале 1580-х годов в Норидже они, по всей видимости, составляли почти треть населения. Переселенцы уже имели торговые связи со средиземноморскими рынками (до восстания в Нидерландах английские торговцы уступали эти рынки Антверпену), поскольку их яркие и легкие материи были привлекательнее для южных европейцев сравнимо с тяжелыми английскими тканями. Голландские ткани были смешанными: шерстяные, камвольные и шелковые. Такой текстиль был дешевле и порой менее прочным, чем английское сукно, и, соответственно, повышал спрос, как первоначальный, так и обусловленный необходимостью замещения. Одним словом, «новые ткани», как их называли, были продукцией, в которой английские портные и продавцы нуждались, чтобы привлечь дополнительных клиентов внутри страны и за рубежом. С 1570 года началось производство тканей под разными названиями, хотя значительное влияние на экспорт это оказало только в XVII веке.

Кожа была второй по значимости отраслью производства: дубили преимущественно в сельской местности, а обувь, шорные изделия, перчатки, кошельки и одежду изготавливали главным образом в городах. Строительство зависело от поставок древесины, основного материала для возведения домов, кораблей, повозок и производственного оборудования, но с конца XVI века в строительстве домов стали использовать камень, а при возведении королевских дворцов, особняков и больших зданий – кирпич. Нехватка древесины означала, что возникла нарастающая тенденция заменять лесоматериалы тем, что давали шахты и каменоломни:

⁷² Clay. *Economic Expansion and Social Change*, ii. 6.

каменный уголь стал занимать место дерева и древесного угля в качестве топлива. Угольная промышленность и черная металлургия были среди тех немногих отраслей, в которых в эпоху Тюдоров произошел существенный технический прогресс.

Вложение денег в сельскохозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода стимулировало развитие металлургических производств. Гвозди, болты, крюки, замки, инструмент для вспашки и боронования, свинец для окон и крыш. Кастрюли и сковороды из меди и латуни, оловянные миски, кружки и подсвечники. Возрос спрос на столовые приборы и стеклянную посуду, столовое и постельное полотно. Состоятельные помещики и купцы строили городские дома и усадьбы с длинными галереями, богато украшенными каминными досками, декоративной штукатуркой, мебелью из дуба и ореха, гобеленами, коврами, картинами, посудой из серебра, олова, латуни и стекла. В конце правления Елизаветы высшее общество Лондона носило экстравагантные наряды,ставляло богатство напоказ и выезжало в каретах, но большинство предметов роскоши импортировалось: столичный спрос, сам по себе высокий, в целом был слишком низок, чтобы заменить импорт внутренним производством. Исключением становились изделия из стекла и небольшие металлические товары, особенно столовые приборы, и к 1590-м годам импорт этих предметов уступил место сделанным в Англии⁷³. Однако на другом конце социальной лестницы городские и сельские бедняки вряд ли мечтали о чем-либо, кроме еды и одежды: соль и мыло явно считались роскошью.

⁷³ Clay. *Economic Expansion and Social Change*, ii. 36–37.

3

Генрих VII

Немногие в английской истории всходили на престол, имея меньше опыта управления, чем Генрих VII после битвы при Босуорте. Победе Генриха, которая и сама по себе была почти чудом, предшествовали 14 лет унижительного изгнания в Бретани и Франции; до того его юность проходила в Уэльсе, и едва ли он бывал в Англии более одного раза. Разумеется, йоркисты начали «переформатирование» монархии: Эдуард IV и Ричард III проложили дорогу будущему посредством инспирированных короной актов о возвращении и лишении прав состояния, экспериментами с «доходом от землевладения» и казначейством, и они превратили Тайный совет в реально управляющий институт. Однако личные методы правления имели свою отрицательную сторону: они опирались на двор и Тайный совет, которые автоматически распускались при кончине короля. Каждый монарх должен был обязательно назначить собственных советников и создать свой двор. Этот процесс занимал время и требовал проницательности. У Генриха VII в первые годы на троне проявлялась неискушенность: ему пришлось учиться править, создавая свою династию, и маловероятно, что он имел хотя бы минуту покоя до второй победы над йоркистами в битве при Стоуке (16 июня 1487 года).

Правление Генриха VII делится на три довольно отчетливых этапа. С 1485 примерно до 1492 года за ведение государственных дел отвечал Ричард Фокс, главный секретарь короля, а с 1487 года – лорд – хранитель Малой печати и епископ Эксетера. Доходы собирались казначейством, со служащими которого Фокс общался посредством письменных распоряжений за Малой печатью. После 1487 года финансовая система начала восстанавливаться, но только начиная с 1492 года значительные доходы отправлялись из казначейства в казну и королевские сундуки. Также на этом этапе французская аннексия Бретани заставила Генриха VII принять меры военного характера, но после непродолжительной осады Булони отношения Англии с Францией определил Этапльский договор 1492 года. Одновременно обсуждался задуманный Генрихом проект англо-испанского династического брачного союза.

Второй этап длился с 1492 по 1503 год. В тот период господствующее положение занимала администрация Рейнольда Брея, который превратил казну в сосредоточение правительственных и финансовых связей (вплоть до самых отдаленных частей страны). Фиксировались денежные поступления, ценные бумаги, облигации, соглашения и долги. Операции производились только с наличными деньгами. Брей как главный аудитор короля и канцлер герцогства Ланкастер также отвечал за создание суда под названием Совет правоведов – примирительный орган на базе палаты герцогства, но со всеми полномочиями Совета – он контролировал дела, связанные с прерогативой короля, и действовал в качестве ведомства короны по контролю за соблюдением закона. Официально этот орган был учрежден в 1498–1499 годах. В дипломатии именно на этом этапе Генриху VII удалось заявить о себе как о действительном европейском монархе: вторжение в Италию Карла VIII Французского в 1494 году привело к включению Генриха в оборонительную Священную Лигу 1496 года, которую составляли Фердинанд Арагонский, император Максимилиан I и папа римский Александр VI. Генрих также заключил важное соглашение с Бургундскими Нидерландами, а в сентябре 1497 года достиг Эйтонского перемирия с Шотландией. В 1499 году соглашение продлили, а в 1502 году скрепили как первый англо-шотландский мирный договор с 1328 года. В ноябре 1501 года принесли плоды дипломатические контакты Генриха с Испанией – в Лондоне отпраздновали бракосочетание его сына, принца Артура, с Екатериной Арагонской. Хотя Артур умер в апреле 1502 года,

вскоре начались переговоры о браке Екатерины с принцем Генрихом, а в августе 1503 года состоялась свадьба короля Шотландии Якова IV⁷⁴ с дочерью Генриха VI Маргаритой.

Третий этап правления Генриха VII продолжался со смерти Брея в 1503 году до кончины самого короля в 1509-м. Это были годы личного правления Генриха, когда он ставил собственную подпись на документах и государственных бумагах, обходя давно сложившиеся бюрократические процедуры⁷⁵. К 1507–1508 годам большее количество пожалований земли и постов было узаконено так называемым прямым приказом, чем надлежащей процедурой с королевской печаткой и Малой государственной печатью⁷⁶. Кроме того, в тот период Генрих VII значительно реже посещал заседания Тайного совета, чем раньше. Это отражало тот факт, что король все больше делегировал финансовые и административные дела Совету правоведов, где преемниками Брея стали Ричард Эмпсон и Эдмунд Дадли. Он также учредил еще один орган административной юстиции, действующий в качестве аудиторского суда Совета, под председательством Роберта Саутвелла и Роджера Лейборна. Эти люди были личными представителями Генриха, которым он доверял: они действовали со всей полнотой власти и юрисдикции Тайного совета, но были подотчетны только королю, который отдавал приказы и контролировал их работу в личном кабинете при дворе. Таким образом, если на первом этапе своего правления Генрих VII применял методы йоркистов, то в последние годы он несколько преобразовал их. Его денежная политика иной раз сводила работу правительства к финансовым сделкам, когда надобность получать доход, перебивать цену и обеспечивать соблюдение исключительных прав короля значили больше, чем моральный авторитет и если не законность, то справедливость.

⁷⁴ В русской историографии сформировалась традиция немецкоязычной огласовки имен европейских монархов. Правильнее именовать королей династии Стюарт Джеймсами. См.: *Устинов В.* Почему Генрих – не Генрих, а Людовик – не Людовик? // Наука и жизнь, 2, 2020.

⁷⁵ *Pickthorn Cf. K.* Early Tudor Government: Henry VII. Cambridge, 1934. 141 n.1.

⁷⁶ *Starkey D. R.* Court and Government // *Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration* / Ed. C. Coleman and Starkey. Oxford, 1986. P. 48.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.